

АРТЕМ ПОНАСЕНКО

ПЛАСТ

Тайна шахты,
дух подземелья и долг памяти

Артем Понасенко

Пласт

<https://litres.ru/73171036>

SelfPub; 2026

Аннотация

Молодой советский геолог, спускающийся в заброшенные шахты Донбасса в поисках новых угольных пластов, обнаруживает, что истинные богатства недр охраняет древний дух — Добрый Шубин, и чтобы выжить и понять секрет, герою придется разгадать тайну гибели собственного деда-шахтера.

Артем Понасенко

Пласт

Часть 1: Прибытие. Рациональный мир

Глава 1. Геолог Гордеев

Секундная стрелка на круглых университетских часах, висевших над резной дубовой дверью, совершила последний, едва слышный прыжок, слившись с тонкой красной меткой «60». Одновременно, будто управляемая невидимым часовщиком, раздался сухой, дребезжащий звук звонка — не звонкий и певучий, а короткий, как щелчок выключателя, как треск ломающегося под ногой сучка. Он разрезал плотную, почти осязаемую тишину актового зала Московского горного института имени И. М. Губкина.

Для пятерых молодых людей и девушек в строгих, чуть не по размеру костюмах и платьях, сидевших за длинным столом, покрытым темно-зеленым сукном, этот звук стал катарсисом, разрешением пятидесятиминутного напряжения. Защита дипломов завершилась. У одной из девушек, сидевшей с краю, непроизвольно дрогнуло плечо, будто со сброшенной ноши.

Андрей Гордеев не сразу расслышал звонок. Он стоял у высокой, в человеческий рост, деревянной планшеты, на ко-

торой был закреплен детальный геологический разрез Донецкого каменноугольного бассейна – плод его шестимесячных изысканий, бессонных ночей и литров черного кофе. Его правая рука, зажавшая длинную деревянную указку, замерла в воздухе. Наконечник указывал на изящный веер изогипс, огибающих брахиантиклинальную складку в районе шахты «Прогресс». Последний слайд. Последняя мысль, выверенная и отточенная: «... Таким образом, прогнозируемая мощность пласта «Мощный» в зоне крыла складки составляет не менее восемнадцати метров, что при скважинном опробовании подтверждается керном с высоким выходом угля марсы «Ж». Он замолчал, переводя дух, ощущая сухость во рту. И только тогда, сквозь отзвук собственного голоса, до него донесся механический треск и тихий, сдержанный смешок с задних рядов, где сидели «свои» – друзья с других потоков, уже отстрелявшиеся на день раньше.

Председатель Государственной экзаменационной комиссии, седовласый профессор Аркадий Леонидович Седых, медленно снял очки в тонкой золотой оправе и потер переносицу, оставляя на ней два красных пятнышка. На его умном, иссеченном морщинами лице играла легкая, одобрительная улыбка. Он кивнул, скорее самому себе, и положил очки на развернутую перед ним дипломную работу Андрея.

– Благодарим вас, Андрей Викторович, – его голос, густой, бархатистый, с легкой хрипотцой старого курильщика, заполнил зал, вытесняя остатки тишины. – Доклад закончен.

Уважаемые члены комиссии, есть вопросы к соискателю?

Вопросы были. Не много, но каждый – цепкий, пробуящий на прочность знание материала. Доцент кафедры поисков и разведки, сухонькая женщина с острым взглядом, спросила о методике интерполяции данных по керну при малой, почти рекогносцировочной плотности скважин. Старший научный сотрудник из ВИМСа, приглашенный эксперт, уточнил, как именно Андрей предлагал учитывать тектонические нарушения малой амплитуды, которые, «словно бритва», могли расцезь его вожделенный пласт «Мощный», превратив его в серию бесперспективных линз.

Андрей отвечал четко, чуть суховато, временами отходя назад к планшете и делая на прозрачной кальке, натянутой поверх разреза, пометки тонким цветным карандашом – синим для водоупоров, красным для разломов. Внутри все было спокойно и холодно, как в сердцевине гранита. Это была его стихия – линии изогипс и изопахит, цифры мощности и зольности, слои пород, векторы давления, градиенты температур. Здесь не было места двусмысленности, туману чувств или поэтическим метафорам. Порода либо была, либо ее не было. Уголь либо горел, давая положенные семь тысяч килокалорий, либо был пустой породой, «зубом» – обманкой. Эта математическая, кристаллическая ясность подземного мира успокаивала его с первых курсов, когда другие романтизировали геологию, а он видел в ней высшую форму прикладной логики. Земля была гигантской, сложной, но решаемой

задачей.

Профессор Седых переглянулся с остальными членами комиссии, медленно кивнул, закрывая папку с вопросами.

– Спасибо, Андрей Викторович. Просим выйти и подождать результатов обсуждения.

В коридоре, пахнущем мастикой для паркета, пылью старых фолиантов и легким запахом электропроводки от витрин с минералогическими коллекциями, царило оживление. Кто-то, уже освободившись, громко смеялся и хлопал друга по плечу, сбрасывая накопившееся напряжение. Кто-то, бледный, с трясущимися руками, жадно курил у высокого распахнутого окна, из которого доносился гул Ленинского проспекта. Андрей прислонился к прохладной кафельной стене, закрыл глаза. Теперь, когда адреналин схлынул, накачивала настоящая усталость – не физическая, а та, что копится исподволь, от месяцев ночных бдений над калькой под зеленым абажуром настольной лампы, от постоянного, почти неотпускающего внутреннего сосредоточения. Он чувствовал легкую дрожь в коленях и пустоту под ложечкой.

Пальцы сами потянулись к внутреннему карману пиджака. Он достал потертый портмоне из черной кожи, подарок отца на восемнадцатилетие, и, почти не глядя, нашел потерпадышное отделение за бумажными рублями. Оттуда он извлек маленькую, пожелтевшую от времени, с загнутыми уголками фотографию. Карточка была размером со спичеч-

ный коробок, и держать ее приходилось осторожно.

На ней, подернутой сеткой мелких трещин, словно паутиной времени, был запечатлен молодой мужчина в простой рабочей одежде: темная, заправленная в грубые брюки гимнастерка, на голове – пиджаковая кепка-«кепочка». Он стоял, чуть отклонившись назад, на фоне высокого деревянного копра шахты – ажурной конструкции из брусьев, увенчанной большим шкивом. Лицо было серьезным, почти суровым, с резко очерченными скулами и твердым подбородком. Но в уголках глаз, прищуренных от яркого солнца, таились лучики мелких морщин – след недавней улыбки, только что сошедшей с губ, будто фотограф поймал момент между серьезностью и радостью. Руки, большие, с широкими костяшками, сложены на рукояти кайла, воткнутого в грудь угольной породы у его ног. Вся поза выражала спокойную силу и уверенность человека, знающего цену своему труду. В нижнем углу фотографии, чернилами, уже выцветшими до ржаво-коричневого, было выведено: «На память. 12.VI.1932 г. Шахта «Глубокая». Донбасс».

Это был его дед, Петр Гордеев. Человек-загадка. О нем в семье говорили мало, скупно и как-то обрывочно, словно пересказывая не историю, а официальную справку. «Погиб в забое. Трагически. Оставил молодую жену с сыном – твоим отцом». Больше – ничего. Отец, Виктор Петрович, успешный инженер-строитель, возводивший типовые «хрущевки» и потом блочные девятиэтажки, всякий раз, когда в детстве

Андрей пытался расспросить, отводил глаза, хмурился и переводил разговор на уроки или футбол. В его сдержанности, в этом упорном молчании чувствовалась не просто боль утраты. Чувствовалось нечто другое – стыд? Вина? Тайна? Что-то такое, что даже спустя сорок с лишним лет лучше не тревожить, замуровать поглубже, как шахтный ствол после катастрофы. Эта единственная фотография и смутная, неоформленная тяжесть семейного умолчания были, как ни странно, одной из глубинных причин, по которой Андрей пошел в горняки. Не из романтики «пройти по тайным тропам Земли», как пелось в студенческой песне. Нет. Скорее, из инстинктивного, не до конца осознанного желания докопаться. До сути. До той самой правды, что была скрыта под наслоениями молчания, под пластами семейных легенд и недомолвок, как богатая угольная жила – под пустой породой.

– Гордеев! Заходи!

Его окликнул секретарь комиссии, выглянув из двери. В зале теперь царила иная атмосфера – расслабленная, камерная. Члены комиссии сидели за столом, перешептывались, попивали воду из граненых стаканов. Профессор Седых motionом руки, широким и гостеприимным, пригласил Андрея занять место напротив.

– Ну, Андрей Викторович, – начал профессор, опершись подбородком на сложенные кисти рук, так что его седые бакенбарды слегка топорщились. – Работа, безусловно, отличная. Глубокое погружение в материал, аккуратное, я бы да-

же сказал, педантичное оформление, прекрасное владение теорией и практикой. Особо отмечу практическую ценность ваших выводов по прогнозированию мощности пласта в зонах тектонического смятия. Это не просто академические выкладки. Это реальная экономия времени, бурового метража и, как следствие, народных средств при постановке разведочных работ. Очень зрело для дипломной работы.

Андрей кивнул, мысленно готовясь к обязательному «но», которое должно было следовать за любой похвалой.

– Но, – Седых улыбнулся, поймав его настороженный взгляд. – Вот этого самого «но» не будет. Диплом защищен на «отлично». Примите наши поздравления, молодой человек.

Чувство облегчения, теплое и разливистое, как стопка коньяка, выпитая на морозе, накрыло его с головой. Мурашки пробежали по коже. Он встал, чтобы поблагодарить, но профессор снова поднял руку, на этот раз – указуя.

– Не спеши с благодарностями. Присядь. У меня к тебе, вернее, к нам с тобой, есть одно деловое предложение. Вернее, не столько у меня, сколько у одной весьма заинтересованной организации, чей представитель любезно согласился присутствовать сегодня.

Один из членов комиссии, замдекана по науке, сухопарый, подтянутый мужчина с внимательными, все замечающими глазами, который до сих пор почти не участвовал в обсуждении, молча передал Седых толстую картонную пап-

ку цвета хаки с завязками.

– Видишь ли, Андрей, твоя тема – поиск слепых, не вскрытых выработками пластов в старых горных отводах – сейчас находится на самом острие горной науки и практики, – профессор положил ладонь на папку, как на библию. – Мы выкачали из недр много. Слишком много, если смотреть на историю Донбасса или Кузбасса. Легкая добыча закончилась. Теперь приходится думать головой, как выжать то, что осталось между старыми стволами, под отвалами, на больших глубинах, не вкладываясь в новое масштабное, черт побери, строительство и не растягивая сроки на десятилетия. Твои методы, твой аналитический, системный склад ума... они нужны не здесь, в этих стенах. Они нужны в поле. В настоящем, пыльном, сложном поле.

– Поле? – переспросил Андрей, ощущая легкий укол разочарования. Он внутренне уже распределил себя в какой-нибудь уважаемый научно-исследовательский институт, в «Гипроуглегормаш» или во ВНИИУглегормаш, в светлый кабинет с коллекциями керна и запахом свежей бумаги. Полевая романтика его не прельщала – он видел в ней беспорядок и неконтролируемые переменные.

– Конкретно – город Донецк. Украинская ССР, – четко выговорил Седых. – Геологоразведочная партия №4 треста «Донецкуглеразведка». У них сейчас запущен пилотный, экспериментальный проект по комплексной переоценке запасов на группе законсервированных и полностью забро-

шенных шахт в так называемом центральном районе. Места там, мягко говоря, непростые. Говорю тебе как человек, который в сорок восьмом сам там проходил практику. Выработки старые, дореволюционные и довоенные, часто затоплены, горное давление сделало свое дело – где-то все поплыло, где-то схлопнулось. Схемы и планы горных работ либо утеряны во время войны, либо составлены по принципу «на глазок» и не соответствуют действительности. Нужен не просто чертежник. Нужен человек с головой, который сможет, во-первых, критически прочитать то, что осталось от старых чертежей, во-вторых, используя современные средства, составить новые, точные карты подземного лабиринта. И, в-третьих, самое главное – найти в этом лабиринте то, что не нашли, проглядели или просто не смогли добыть наши отцы и деды.

В последних словах профессора прозвучала некая сокровенная, личная нота. «Отцы и деды». Андрей невольно сжал в кармане фотографию, ощутив шершавую поверхность карточки.

– Какие именно средства? – спросил он, намеренно переводя разговор в сухую, практическую плоскость. Это всегда было его спасательным кругом, способом уплыть от нахлынувших эмоций.

– Новейший отечественный георадиолокационный комплекс «Гроза-М». Штука уникальная, экспериментальная, и, как все первенцы, с массой «но» и детских болезней, – Седых

усмехнулся. – Разработка закрытого КБ, родом из оборонки. Чувствительный, мощный, но капризный, как примадона Большого театра. Данные, если верить отчетам, дает потрясающие – видит расслоения, полости, тектонику. Но интерпретировать эти данные – это уже искусство, сродни расшифровке послания с другой планеты. Там одни помехи, отражения, фантомы. Он умеет заглядывать за тектонические нарушения, видеть то, что скрыто. В общем, твой идеальный инструмент, если ты найдешь с ним общий язык. Тебе предстоит его освоить с нуля, провести полевые испытания в реальных, экстремальных условиях и, если, конечно, повезет, выдать на-гора конкретный, осязаемый результат – координаты нового, рабочего, рентабельного пласта. Задача, – профессор понизил голос, – государственной важности. Рискованно. Там можно запросто обанкротиться профессионально, если ничего не найдешь. Можешь отказаться, будет стандартное, хорошее распределение в московский НИИ. Но я, знаешь ли, вижу в тебе потенциал для большего, чем сидеть в кабинете и чертить красивые разрезы по чужим, возможно, ошибочным данным.

Андрей молчал. Мысли скакали, сталкивались, как вагоны в узкой штольне. Донбасс. Зброшенны шахты. Лабиринт. «Глубокая»... Нет, конечно, это просто совпадение, игра случая. В Донбассе сотни шахт с похожими названиями. Но дрожь, пронзительная и острая, как удар кварцевой жилы, пробежала по его спине от копчика до затылка.

Это был не страх. Это было иное – предчувствие встречи. Rendezvous. С чем-то давно ожидаемым, чем-то, что лежало в самом основании его личной истории, как кристаллический фундамент под осадочными толщами.

– Я согласен, – сказал он четко и громко, прежде чем разум успел взвесить все «за» и «против», просчитать риски и построить логические цепочки.

Профессор Седых широко, от всей души улыбнулся, и его глаза, умные и усталые, блеснули.

– Я так и думал. По глазам видно было – тебя уже зацепило. Держи, – он протянул тяжелую папку через стол. – Здесь твое официальное направление, предписание в партию, все необходимые контакты на месте. И, самое главное, – техническая документация на «Грозу-М» под грифом «Для служебного пользования». Осваивай. Вникай. Вылет из Внуково – через две недели. Билет и командировочные оформят завтра.

Вечер того дня, пахнувший победой и странной тревогой, Андрей провел в своей комнате в общежитии на улице Орджоникидзе. Небольшая клетушка на двоих, заставленная книгами и приборами, но напарник его, аспирант с химфака, уже уехал к себе на Сахалин на полевой сезон. Тишина была абсолютной, нарушаемой лишь отдаленным, навязчивым гулом трамвая за окном и редкими обрывками голосов из двора, где кто-то играл на гитаре. На столе, под лампой с зеленым стеклянным колпаком, рядом с папкой из институ-

та и аккуратной стопкой конспектов, лежала та самая фотография. Дед смотрел на него с карточки, и теперь его взгляд казался не просто суровым, а вопрошающим. Знающим.

Андрей отогнул завязки папки и достал оттуда самый толстый том – «Руководство по эксплуатации георадиолокационного комплекса «Гроза-М». На первой странице, под грозной аббревиатурой завода-изготовителя и эмблемой с шестеренкой и молнией, красовался гриф: «Для служебного пользования. Не подлежит разглашению». Он открыл тяжелую синюю обложку и начал читать, делая выписки в свою потрепанную, в клетку, тетрадь для рабочих записей.

«Принцип действия комплекса «Гроза-М» основан на излучении коротких импульсов электромагнитных волн диапазона СВЧ (сверхвысокие частоты) и регистрации сигналов, отраженных от неоднородностей геологической среды... Глубина зондирования в осадочных породах (песчаники, алевролиты, аргиллиты) при благоприятных диэлектрических свойствах и низкой проводимости может достигать 400-500 метров... Высокая чувствительность прибора к локальным изменениям диэлектрической проницаемости и удельного сопротивления позволяет дифференцировать угольные пласты различной степени метаморфизма, породы-вмещатели, зоны тектонических нарушений, трещиноватости и обводнения...»

Сухой, безличный язык инструкции постепенно увлекал его, гипнотизировал. Это был шифр, код доступа к неви-

димому. Машина, которая могла видеть сквозь сотни метров твердой породы. Видеть то, что никогда не видели люди, спускавшиеся в эти шахты с кайлом, отбойным молотком или даже с буровым станком. Видеть структуру, скрытый узор. Мысль была головокружительной. Он представлял себе, как электромагнитные волны, словно щупальца слепого, но мудрого существа, прощупывают толщу земли, натыкаясь на границы пластов, на пустоты, на скопления воды, и возвращаются назад, неся в своем эхо карту невидимого мира.

Он отложил инструкцию, чувствуя, как в голове уже складывается первичное понимание принципов. Взял другую бумагу из папки – схему расположения шахтных полей в центральном районе Донецка, где предстояло работать партии №4. Это был большой лист миллиметровки, испещренный аккуратными квадратами границ отводов. Его палец медленно скользнул по квадратам, читая выведенные тушью названия: «Шахта №8 «Кочегарка», «Шахта им. Артема», «Шахта «Красный Профинтерн», «Шахта «Западная-Капитальная»... И среди них, почти в самом центре листа, два соседних квадрата, отмеченных не зеленым или синим, как действующие, а жирным красным крестиком – «законсервированы». Рядом с ними аккуратный почерк: «Шахта «Глубокая-1» (закрыта в 1935 г. после аварии)» и «Шахта «Глубокая-2» (закрыта в 1961 г. в связи с отработкой запасов)».

Сердце Андрея сделало один мощный, глухой удар, ото-

звавшись болью в висках. Вот оно. Совпадение материализовалось в черно-белую графику. «Глубокая-1». Точное, до буквы, название с фотографии. Место, где работал, а затем, согласно семейной легенде, погиб его дед. А «Глубокая-2» – соседняя, более поздняя, вероятно, разрабатывавшая то же самое месторождение, тот же угленосный горизонт. Именно на ней, судя по пометкам в документах, и предстояло работать его геологоразведочной партии.

Он встал, подошел к окну, откинул ситцевую занавеску. Москва зажигала вечерние огни, длинные вереницы фонарей уходили в темнеющую даль. Где-то там, за тысячу километров на юг, лежала иная земля – не плоская, как здесь, а изрытая, исковерканная, утыканная терриконами, как гигантскими муравейниками, пронизанная насквозь подземными ходами, полная теней прошлого, запахов угольной пыли и сернистого газа и, как он теперь верил, нераскрытых, спящих богатств. Он ехал не просто на работу, на первое место службы. Он ехал навстречу завещанию, которого не было. Навстречу немому вопросу в глазах человека на фотографии. Он ехал, чтобы применить холодную, бесстрастную, точную логику прибора к месту, окутанному не только семейной тайной, но и, как он уже смутно догадывался, плотным слоем народных легенд. Накануне защиты, листая на ночь учебник по истории горного дела, он наткнулся на короткую, в две строки, сноску о профессиональном фольклоре донецких шахтеров. Среди прочих духов – «во-

дяного» (топившего людей), «горного» (стучавшего в крепи) – мелькнуло странное, почти домашнее имя: «Шубин», или «Добрый Шубин». Описание было скупым: дух-хранитель или дух-мститель, существо противоречивое, иногда помогающее найти жилу или выбраться из завала, иногда сбивающее с пути и пугающее до полусмерти. Андрей тогда лишь усмехнулся, отнес к пережиткам темноты, к плодам невежества и страха перед непознанным подземным миром. Суеверия, порожденные тяжелым трудом и постоянной опасностью. Но теперь, глядя на четкие буквы «Глубокая» на схеме, это имя всплыло в памяти с новой, тревожной, почти мистической силой. Какая чепуха. Полная бессмыслица. Его оружием будет «Гроза-М», его щитом – точный расчет и знание геологических закономерностей. Его противником – не сказочный дух, а объективные трудности: плавуны, метан, сложная тектоника.

Он вернулся к столу, твердо, с некоторым усилием закрыл папку. Через две недели – дорога. Нужно собрать вещи, купить билет (хотя, наверное, оформят), написать родителям, изучить все доступные открытые геологические отчеты по центральному району Донецка, пробежаться по литературе по георадарному профилированию. Практическая, ясная, конкретная деятельность успокоила его, вернула почву под ноги. Он был Андреем Гордеевым, выпускником лучшего горного института страны, обладателем уникальной технологии, направленным на важный государственный участок

работы. Он ехал добывать уголь для страны, развивать ее топливно-энергетический комплекс, а заодно – докопаться, наконец, до твердой, каменной истины о человеке, смотрящем на него с пожелтевшей карточки. Все было просто, логично и правильно выстроено, как кристаллическая решетка алмаза.

Перед сном, уже лежа в кровати, он еще раз взял в руки фотографию, поднес ее к свету бра, вкрученного в стену. Суровые, светлые глаза деда, Петра, смотрели на него сквозь толщу лет, сквозь трещины на эмульсии. В них читалось не только спокойствие, но и глубокая, затаенная усталость, знание чего-то такого, что нельзя передать словами.

«Я спущусь туда, где ты работал, – мысленно, но очень твердо пообещал Андрей карточке. – Посмотрю на это место не через семейные пересуды, а через призму фактов. Пойму, что там произошло. Найду твой пласт».

Он не знал тогда, не мог даже в самом страшном сне предположить, что земля помнит не только последовательность пластов угля, песчаника и глины. Она помнит боль разорванных мышц, холодный страх в момент обвала, грохот взрыва, стоны под завалами и молчаливое отчаяние тех, кто остался наверху. И иногда, очень редко, эта память, эта пси-энергия трагедии, впечатанная в угольный пласт, в породу, пропитанная метаном, обретает не просто форму и голос. Она обретает характер, капризный и справедливый, добрый и страшный, как сама подземная стихия. И ждет. Ждет, когда кто-

то придет не с отбойным молотком, не с георадаром и даже не с чисто научным любопытством. А придет с тем самым вопросом, на который у нее, у этой памяти, есть давно готовый, выстраданный ответ.

За окном общежития поезд на юг, в Донецк, еще не отправился, не дал прощального гудка. Но его путь, путь молодого геолога Гордеева, был уже предопределен, как предопределена линия тектонического разлома. Он ехал из мира прямых линий, строгих формул и ясных, проверяемых выводов навстречу миру, где тени обладают плотностью и силой, где факты причудливо переплетаются с легендами, а под ногами лежит не просто порода для изучения, а огромная, дремлющая, чуткая книга. Книга, листы которой – угольные пласты, а буквы – следы давно отзвучавших ударов кайла, застывшие капли пота и невысказанные слова. Он, уверенный в своем инструменте и своем методе, готовился читать эту книгу с помощью прибора, переводя ее тайнопись на язык графиков и схем.

Он и не подозревал, что книга эта уже давно, с того самого дня, как он выбрал профессию, готовилась прочесть его самого.

Глава 2. Дорога на Юг

Последний протяжный гудок паровоза, густой и влажный, будто выдох усталого великана, растворился в сумеречном московском небе над Казанским вокзалом. Поезд Москва–

Донецк, тяжело вздрогнув, тронулся с места, и перрон начал медленно, почти неощутимо, плыть мимо окна купе. Андрей Гордеев стоял, прижав ладонь к прохладному стеклу, наблюдая за этим гипнотическим движением. Сначала отдельные, застывшие в прощальных жестах фигуры провожающих – женщина в светлом платке, машущая платочком, мужчина с ребенком на плечах. Потом, ускоряясь, поплыли стены вокзала из красного кирпича с высокими, стрельчатыми арками, похожими на ворота в иное измерение. Снующие грузчики с громоздкими тележками, последние выкрики носильщиков, мелькание красных фуражек дежурных по станции. И наконец, темнота, в которую поезд нырял, как в туннель. Лишь изредка в черном полотне ночи прорезались цепочки тусклых огоньков дачных участков, оранжевые квадраты окон в спальных районах, угрюмые, залитые желтым светом силуэты заводских труб и элеваторов. Москва отступала, растворялась в осенней ночи, а вместе с ней отступала и прежняя, отмеренная лекциями и сессиями, студенческая жизнь. Она оставалась там, в светящемся кубе города, а его, Андрея, с грохотом колес уносило в неизвестность. Впереди лежало нечто абсолютно новое, незнакомое, пахнущее не чернилами и библиотечной пылью, а угольной крошкой, соляжкой, креозотом от шпал и сухим, колючим степным ветром.

Он тяжело вздохнул, почувствовав странную смесь тоски и возбуждения, отпустил шторку, и она, шурша, упала, отсекая внешний мир. Повернулся к своему купе, внезапно

ощутив его тесноту и камерность. На нижней полке, возле окна, лежал его основной багаж – большой, выдавший виды алюминиевый чемодан «дипломат», с потертыми уголками и туго натянутыми ремнями. Он был набит до отказа: стопки конспектов, завернутые в кальку чертежи, несколько смен белья, книги по геофизике и, конечно, папка с документами и направлением. Рядом, в узком коридорчике у двери, как неприступная крепость, стоял огромный, обшитый толстым зеленым брезентом и обитый по углам жестяными накладками кейс. На его боку аэрозольной краской была выведена грозная надпись: «Гроза-М. Осторожно! Точные приборы. Не кантовать». Получить его днем в сборочном цехе завода-изготовителя на окраине Москвы было целым приключением, достойным отдельного рассказа. Пришлось предъявлять паспорт, направление, подписывать десяток бумаг в трех экземплярах, а потом еще слушать наставления хмурого инженера в белом халате, передававшего аппарат, словно сакральный артефакт.

– Малыш, ты с этой штукой в шахту? – спросил тот, оценивающе оглядывая Андрея с ног до головы, пока его помощник вкатывал кейс на тележке. – Она тебя там, извини за прямоту, сожрет. Она же лабораторная, понимаешь? Стендовая. Боится всего: влаги, пыли, тряски, перепадов температуры... А главное – она боится невежества. Неправильно истолкуешь сигнал, примешь помеху за пласт – и прощай, репутация. И нашему КБ хлопот не оберешься.

Андрей лишь кивнул тогда, сжав зубы. Он уже успел проштудировать увесистое руководство и был уверен, что справится. Он верил в силу алгоритма, в четкость инструкций. Теперь же, глядя на этот громоздкий, нелепый кейс в тесноте купе, он чувствовал не уверенность, а тяжелую, давящую ответственность. Это был не просто прибор. Это был его пропуск в большую профессию, его шанс проявить себя и одновременно – главный риск, ахиллесова пята всей его миссии. От этой «Грозы» зависело все.

На верхней полке, напротив, под размеренный стук колес уже храпел его попутчик – немолодой мужчина в клетчатой ковбойке из грубой ткани, с головой накрытый свежим номером «Правды». Андрей успел лишь мельком его заметить при посадке, пока устраивался: красное, обветренное, как старый кирпич, лицо; седые, жесткие, торчащие в разные стороны волосы, похожие на щетку; короткие, сильные, покрытые сетью мелких шрамов и царапин руки с вьевшейся в кожу под ногтями и в поры грязью особого, не городского оттенка – той, что не отмыть никаким мылом. Шахтер. Без всякого сомнения. Человек из того самого мира, в который ехал Андрей.

Он сел на свою полку, спиной к движению, достал из дипломата папку с документами и ту самую схему шахтных полей центрального района Донецка. При свете бра, вкрученного в стену, он вновь и вновь водил подушечкой указательного пальца по квадратику с надписью «Глубокая-2», пыта-

ясь мысленно, силой воображения и знаний, дорисовать то, чего карта не показывала: рельеф местности – пологие спуски в балки, поросшие ковылем и полынью; состояние копра – ржавые балки, покосившиеся бревна; как выглядит сейчас спуск в шахту, заваленный, наверное, обломками, спустя почти двадцать лет после официального закрытия. В голове, поверх этих образов, роились сугубо технические, успокаивающие своей конкретностью вопросы: как правильно развернуть антенный блок «Грозы», с какой точки начинать сканирование, чтобы минимизировать помехи от старых металлических крепей, как отличить полезный сигнал от угольного пласта от ложного эха от обводненной зоны... Он погрузился в эти расчеты, пытаясь заглушить внутреннюю тревогу.

– Молодой человек, не помешаю?

Голос был низким, хриловатым, но не грубым. Андрей вздрогнул и оторвался от схемы. С верхней полки на него смотрел тот самый мужчина. Он уже сидел, свесив ноги в стоптанных кирзовых сапогах, и его глаза, маленькие, глубоко посаженные под нависшими бровями, цвета мокрого гранита, изучали Андрея с безмятежным, почти отеческим любопытством. Газета была отложена в сторону.

– Да, конечно, нисколько, – Андрей поспешно сложил бумаги, чувствуя себя школьником, застигнутым за нелепым занятием.

Мужчина легко, с неожиданной для его грузного телосло-

жения грацией, прыгнул вниз, приземлившись на пол беззвучно, словно кошка. Он опустился на свободное место напротив, достал из кармана ковбойки плоскую, потертую алюминиевую фляжку и самодельный кисет с табаком.

– Далеко путь держишь? – спросил он, начиная на автомате крутить толстую, неказистую сигарку ловкими, привычными движениями толстых пальцев.

– До Донецка. В командировку, – ответил Андрей, стараясь говорить ровно.

– Ага, – мужчина чиркнул серной спичкой, прикурил, затянулся, и купе мгновенно наполнилось едким, крепким, узнаваемым запахом махорки. – По лицу видно – не здешний. Свежий. И по чемодану этому, – он кивнул на «дипломат». – У нас такие не носят. У нас или вещевой мешок, или здоровенный чемодан на все пожитки. Я – Иван Семенович. Возвращаюсь с севера, из Воркуты. Контракт отработал – два года «на кромке», как мы там говорим. Теперь домой, в Донецк, на пенсию, как говорится, на заслуженный... отдых. – Он произнес последнее слово с такой горькой, самоироничной интонацией, что стало ясно: отдых для этого человека – настоящая пытка, лишение смысла.

– Андрей. Геолог, – представился он коротко, чувствуя, что многословие здесь неуместно.

– Геолог? – Иван Семенович прищурился, выпуская струйку сизого дыма. – Это хорошо. Умственные труды. Голова должна работать. А я, вот, горняк. Забойщик первой

статьи. Сорок лет, представляешь, «в лаве» отстоял, как мы говорим. Потом, когда спину прихватило, инженером по технике безопасности работал, пока совсем не списался. В Воркуту подался – платят хорошо, суровость добавляет, климат, правда, не сахар, скажем так... А ты, Андрей, в Донецке надолго? Или пролетом?

– По работе. Надо одно месторождение обследовать, проверить данные, – Андрей старался говорить максимально общо, дипломатично, но что-то в спокойной, уверенной, укорененной манере этого человека вызывало невольное доверие. В нем чувствовалась та самая «порода», о которой писали в романах.

– Месторождение? – Иван Семенович хмыкнул, и в его хриплом смешке прозвучала вся многовековая усталость Донбасса. – Дорогой ты мой, у нас все месторождения уже сто раз обследованы, переобследованы, перемеряны и выгрызены до корки, до голого материка. Новых, девственных, не осталось. Разве что... – он вдруг пристально, почти поорлиному, посмотрел на Андрея, и в его гранитных глазах мелькнула искорка понимания, – старые шахты перетряхивать. Считать, что там чего-то недобрали. Модное нынче дело. Наукоемкое. Техника новая, говорят, позволяет заглянуть, куда раньше и не думали.

Андрей кивнул, удивленный его мгновенной пронительностью. Этот человек, казалось, видел его насквозь.

– Примерно так. Мне как раз предстоит работать на группе законсервированных шахт. Испытывать новую аппаратуру для глубинного сканирования.

– На каких, если не секрет? – спросил Иван Семенович, и в его голосе, до этого расслабленном, прозвучала внезапная, хорошо скрываемая напряженность. Он отложил сигарку.

Андрей колебался секунду. Раскрывать детали незнакомому человеку? Но с другой стороны, что здесь секретного? Шахты законсервированы, их названия есть на любой карте. И в этом старике было что-то... надежное.

– Вот здесь, – он развернул схему и показал пальцем на заветный квадрат. – Центральный район. В том числе, да, шахта «Глубокая-2».

Наступила тишина, нарушаемая лишь монотонным, гипнотическим стуком колес по стыкам рельсов. Иван Семенович перестал курить. Он уставился на схему, но взгляд его был не здесь. Он смотрел сквозь бумагу, будто видел не абстрактные квадраты и линии, а реальные, знакомые до боли, до ночных кошмаров места. Его обветренное лицо стало вдруг непроницаемым, каменным, маской.

– «Глубокая-2», – медленно, растягивая слова, как будто пробуя их на вкус, проговорил он. – Рядом с «Глубокой-1». Классика. Знатные шахты были в свое время. Богатые. Антрацит отборный, пласт мощный, «казенный», как говорили. И гиблые. Очень гиблые. Одной рукой давали уголь, другой

– забирали жизни.

– Вы... вы знали эти шахты? – не удержался Андрей, чувствуя, как внутри все сжимается в тугой, тревожный комок.

– Знать – не знал, а слышать – слышал, да так, что в ушах до сих пор стоит, – Иван Семенович наконец затянулся, но уже без удовольствия, скорее по привычке. Дым казался горьким. – Я-то моложе, на «Глубоких» не работал. Они еще до войны, в середине тридцатых, по сути, заглохли. Но отец мой, царство ему небесное, начинал там, еще мальчишкой-вагонеточником. И дядька мой. И многие знакомые, отцы друзей. От тех шахт, сынок, одни легенды остались. Да терриконы эти, сопливые. Да могилы, конечно. Безликие холмики на местном кладбище.

– Легенды? – Андрей сделал вид, что ему просто интересно, как этнографу или фольклористу. Он откинулся на спинку сиденья, стараясь выглядеть расслабленным.

– А как же. Место там... особое. Нехорошее, скажут некоторые. А по-моему, не плохое, а сильное. Подземелье там... живое. – Иван Семенович заговорил теперь тихо, почти шепотом, и его глаза как будто остекленели, смотря не на Андрея, а куда-то внутрь себя, в темные залы памяти. – Лабиринты старые, дореволюционные, царских еще времен пробитые. Заброшенные ходы, отдушины, тупиковые штреки, куда и черт ногу сломит. Карты к ним или сгорели, или нарочно спутаны были – от жандармов прятались. Говорили, что если заблудишься в тех дебрях, то можно выйти... по-

нимаешь, в другом времени. Услышать голоса из прошлого. Или не выйти вообще. Тело, может, и найдут, а душа так там и останется бродить.

– Суеверия, – буркнул Андрей автоматически, но голос его звучал уже без прежней, студенческой уверенности. В нем прозвучала фальшивая нота, и он сам это понял.

– Молодой ты, горячий, вот и говоришь – суеверия, – старик покачал головой с какой-то бесконечной, усталой мудростью. – Мы, кто под землей хлеб добывает, по-другому жизнь понимаем. Там, в темноте, на глубине, свои законы. Не физические, нет. Душевные, что ли. И свои хозяева там водятся. Водяной в затопленных выработках – тянет на дно, если не почтишь. Горной дух – стучит в крепи, предупреждает об обвале, коли его не послушаться. А на «Глубоких», слышал я от стариков, свой был дух. Самый что ни на есть особенный. Не пришлый, а домовый, только подземный.

Сердце Андрея забилось чаще, глухо, как молоток об упругую породу. Он ждал этого имени, боялся его услышать и в то же время жаждал, чтобы миф обрел конкретику, вышел из тумана.

– Какой же? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул, не выдал внутренней дрожи.

– Шубиным звали. Добрый Шубин. А иначе – просто Шубин. Или, шутя, «дед».

– Откуда такое имя? От шубы? – Андрей нарочно сделал вид, что воспринимает это как забавную этимологическую

загадку.

Иван Семенович хрипло рассмеялся, и смех его был похож на скрип несмазанных вагонеток.

– От шубы, да, одна версия такая есть. Говорили, волосатый он, весь в шерсти густой, как медведь подземный, шерсть клочьями. Отсюда и прозвище. А по другой версии... – он наклонился вперед, понизив голос до конспиративного, доверительного шепота, хотя вокруг, кроме них, никого не было, – это по фамилии. Был, мол, такой горный мастер, а по иным сказам – газожог. Шубин. Человек с чутьем необыкновенным. Звериным. Чуюл кожей, где газ смертельный скопится, где порода навалит, где вода прорвется. Погиб, спасая людей. Ну, а душа его, праведная, осталась там, в забое, не смогла уйти. Прикипела к пласту, к темным ходам. Вот и бродит теперь, присматривает за порядком. Настоящий хозяин подземелья. Не управление шахты, не начальник участка, а он.

Андрей слушал, затаив дыхание, стараясь не пропустить ни слова. История про газожога, погибшего при спасении людей, совпадала с теми скудными, отрывочными сведениями, что он нашел в архиве! Это было уже не просто суеверие, не плод невежественного воображения. Это было народное предание, корнями уходящее в реальную, трагическую историю. Миф, имеющий плоть и кровь.

– И что... он... помогает? – не удержался Андрей, и его

тон выдал неподдельный, профессиональный интерес.

— Кому как, — многозначительно сказал Иван Семенович, отхлебнув из фляжки и спрятав ее обратно. — Честному, работающему человеку, который с уважением к пласту, к труду — да. Может, факел в темноте мелькнет синим огоньком, дорожку укажет к богатой жиле. Или шепнет на ухо, когда идешь по штреку: «Не ходи туда, Петро, обвал будет». А то и руку отведет в последний момент. А вот к жадным, к подлым, к тем, кто на чужой беде нажиться хочет, кто safety rules нарушает, рискуя чужими жизнями... — старик сделал выразительную паузу, и в его глазах на мгновение вспыхнула старая, закаленная в угольной пыли ярость, — тем он злой. Мстительный. По-хорошему злой. Заведет в самый глухой тупик, где и связи нет, свет погасит напрочь, а то и... ну, бывало, люди в тех выработках пропадали. Бесследно. Навсегда. Будто земля их проглотила. И не ищи.

— Вы... вы верите в это? — спрям, по-юношески прямо, спросил Андрей, глядя ему в глаза. Он хотел увидеть там смятение, неуверенность, признаки внутренней борьбы рационального ума с предрассудками.

Но Иван Семенович посмотрел на него долгим, испытующим, спокойным взглядом, в котором не было ни тени сомнения.

— Вера тут не при чем, сынок. Это как давление в угольном пласте. Ты его не видишь глазами, не пощупаешь руками. Но

если не учитывать, не мерять лампой, не отслеживать – рванет внезапно, метаном, так что мало не покажется никому. Я сорок лет отстоял под землей. Семь километров вглубь спускался. Видел вещи, которым нет объяснения в твоих учебниках по геомеханике. Слышал шаги в полной тишине позади себя там, где никого не могло быть за километр. Чувствовал взгляд в спину в абсолютной темноте. Так что я не верю. Я знаю. Шубин – он есть. Как есть огонь, вода и черный уголь. Это часть пейзажа. Ты вот с аппаратурой своей едешь, – он кивнул на кейс. – Умная штука, не спорю. Дорогая, наверное. Но она пласт видит, а душу пласта – нет. А Шубин... он и есть душа тех шахт. Старая, израненная, выдавшая виды, но справедливая. Так что мой тебе совет, геолог: если уж судьба-злодейка занесла тебя на «Глубокая-2»... с Шубиным договорись. С уважением, не как с пугалом. Поговори мысленно. Он тебе, глядишь, все пласты покажет, куда тыкать свою машину. А не договоришься, пойдешь напролом, с высокомерием... – Иван Семенович махнул рукой, закончив мысль красноречивым, беспощадным жестом, словно рубя воздух.

Он допил чай из граненого стакана, погасил окурочок о жестяную пепельницу, прикрученную к стене, и тяжело, с легким стоном, поднялся, разминая поясницу.

– Ладно, старые кости ноют. Пора боковую натягивать. Завтра к обеду будем. Счастливо тебе, геолог. Крепкой породы под ногами. И смотри... – он еще раз пристально, будто фотографируя, глянул на Андрея, – смотри в оба под землей.

Не только в приборы свои светящиеся. Глаза и уши – самые лучшие приборы, данные нам природой. Ими пользоваться не разучились еще старые шахтеры.

Он ловко, несмотря на возраст и грузность, забрался на свою полку, отвернулся к стенке, накрылся тем же пиджаком, и вскоре его дыхание стало ровным, глубоким и мерным. Андрей остался один в полутьме купе, освещенном лишь тусклым синим ночником у двери. Слова старого шахтера не просто висели в воздухе – они впитывались в обивку сидений, в дерево полки, становились частью самой атмосферы. «С Шубиным договорись». Какая дикость. Какое мракобесие. Он, выпускник МГИ, человек науки, вооруженный последними достижениями отечественной геофизики, должен «договариваться» с мифическим существом, с фантомом, порожденным страхом и невежеством? Это было смешно. Это было абсурдно.

Он подошел к окну, откинул край шторы. За стеклом, в крошечной тьме, проносилась бесконечная черная равнина, изредка пересекаемая одинокими, как маяки в море, огнями полустанков или далекими, беззвучными зарницами на горизонте. В темном стекле, поверх мелькающего пейзажа, он видел свое отражение – молодое, напряженное лицо с тенью сомнения в глазах, которая не сходила с тех пор, как профессор Седых произнес название «Глубокая». Он выглядел чужим самому себе.

Внезапно его взгляд упал на громоздкий кейс с «Гро-

зой-М», тускло поблескивающий жестью в полумраке. Прибор, созданный лучшими умами оборонки, способный видеть на сотни метров вглубь, различать слои, пустоты, аномалии. И рядом – древнее, иррациональное поверье, живущее не в книгах, а в памяти, в крови таких вот Иванов Семеновичей. Два полюса. Два абсолютно разных, непримиримых, казалось бы, способа познания подземного мира. Рациональный, измеримый, доказуемый – и интуитивный, мистический, передаваемый из уст в уста. Могло ли быть так, что оба... в чем-то правы? Что они описывают одно и то же явление, просто с разных сторон?

Он вспомнил строчки из инструкции к «Грозе». «Высокая чувствительность к локальным изменениям диэлектрической проницаемости и удельного сопротивления, вызванным неоднородностями геологической среды». А что такое «дух», «память места», «призрак», как не сложнейшая, не до конца изученная неоднородность? Не полевая аномалия особого рода? Сгусток низкочастотных электромагнитных колебаний, порожденных повторяющимися стрессовыми событиями, сильными эмоциями, вдавленный, как отпечаток, в породу? Ученый в нем тут же, почти физически, отторг эту мысленную спекуляцию как ненаучную, как ересь. Такими идеями можно было опозориться на любом научном совете. Но зерно сомнения, крошечное, как пылинка угля, было посеяно. И оно уже давало первые, ядовитые ростки.

Андрей вернулся на свою полку, но спать не мог. Беспо-

койство гнало прочь дремоту. Он вновь открыл папку, и его пальцы сами нашли ту самую, пожелтевшую фотографию деда. Петр Гордеев смотрел на него с вызовом, с молчаливым, неразрешимым вопросом в светлых глазах. Работал ли он бок о бок с тем самым Шубиным-газожогом? Был ли свидетелем его гибели? Может, они были друзьями? Или... или именно его, Петра, «подлость» или роковая ошибка, о которой так упорно молчала семья, и стала причиной той трагедии? Может, легенда о мстительном духе родилась из чувства вины выжившего товарища? Эта мысль была как удар обухом в солнечное сплетение. От нее перехватило дыхание.

Он швырнул фотографию на полку, как швыряют раскаленный уголь, который обжег пальцы. Нет. Он не позволит каким-то темным, донецким сказкам, этим пересказам пьяных в столовке стариков, омрачать и без того смутную память о дедке. Он найдет правду. Не ту, что живет в легендах, а ту, что застыла в породе, зафиксирована в сухих строчках архивных отчетов, проявится в четких, недвусмысленных данных «Грозы-М». Он докажет, что все эти разговоры – пережиток. Он очистит имя деда (а заодно и свое собственное спокойствие) от этой мистической шелухи.

Он потушил свет и лег, уставившись в темноту потолка, где отблески от проезжающих фонарей рисовали бегущие тени. Стук колес – «так-та-та, так-та-та» – убаюкивал, пытался ввести в транс, но в голове продолжался настоящий хаос, камнепад мыслей. Образы смешивались, наслаивались

друг на друга: строгие, параллельные изогипсы на чертеже, обветренное, как скала, лицо Ивана Семеновича, горящие, как тлеющие угольки, глаза мифического Шубина из его воображения, суровый, немой взгляд деда с фотографии...

«С Шубиным договорись». Фраза звучала в ушах навязчиво, как забытый мотив, который никак не выбросишь из головы.

Под самое утро, когда сознание уже начинало тонуть в глубоких, черных водах сна, ему приснилось. Он стоял не в купе, а на краю темного, бездонного, как вход в преисподнюю, ствола шахты. Деревянный ворот с обрывком толстого каната скрипел на ветру. Внизу, в непроглядной глубине, не просто была темнота. Там мерцал слабый, тусклый, голубоватый свет, словно от далекого, почти догоревшего факела или от какого-то холодного, подземного свечения. И оттуда, из этой синеватой мглы, снизу, доносился звук. Не грохот обвала, не скрежет железа. А тихий, влажный, старческий, изнутри грудной кашель. Он звучал так отчетливо, так реально, так близко, будто тот, кто кашляет, стоит прямо за его спиной, в самом купе. Звук был наполнен такой бесконечной усталостью и такой... осведомленностью, что Андрей проснулся мгновенно, в холодном поту, с бешено колотящимся сердцем, как будто он бежал несколько километров. Он лежал, уставившись в потолок, и несколько секунд не мог пошевелиться, прислушиваясь к реальным звукам: стук колес, храп Ивана Семеновича. Кашля не было. Но эхо его

стояло в ушах.

За окном уже светало. Степь, плоская и бескрайняя, как стол, окрашенная в перламутровые, розовато-серые тона рассвета, неслась навстречу поезду. Кое-где чернели островки перелеска, серебрились петли малых рек. И где-то там, на линии горизонта, уже должны были появляться первые, смутные силуэты терриконов – этих искусственных, конических угольных гор, вечных спутников и символов Донбасса. Они приближались, как стражники на границе его новой реальности.

Он встал, чувствуя разбитость и тяжесть во всем теле, умылся ледяной, ржавой на вкус водой в крошечной раковине. Сон, конечно, был глупостью, игрой переутомленного за день мозга, спровоцированной разговором. Классическое наложение впечатлений. Но осадок остался. Тяжелый, липкий, как смола, как кусок антрацита, положенный на грудь. Он не мог отмахнуться от ощущения, что этот кашель был... знакомым. Хотя слышал он его впервые.

Когда поезд, с долгим, шипящим скрежетом тормозов, начал замедлять ход, въезжая на засыпанные шлаком окраины Донецка, Иван Семенович уже был полностью собран. Он молча, деловито кивнул Андрею на прощание, взял свой неказистый, туго набитый вещевой мешок и вышел в коридор, не оглядываясь. Через стекло двери купе Андрей видел, как на перроне, среди сутолоки встречающих, его ждала пожилая, приземистая женщина в платке – жена, наверное –

и двое взрослых, крепких мужчин, вылитых в отца, только помоложе. Они обнялись крепко, по-мужски, хлопали друг друга по спине, засмеялись какими-то своими, домашними шутками, и Иван Семенович, казалось, помолодел на глазах, расправил плечи. Уходя в толпу, он на секунду обернулся, еще раз встретился взглядом с Андреем, стоявшим у окна в купе, и едва заметно, почти по-свойски, кивнул. Не «до свидания». А «помни». «Будь осторожен». «Не забывай, что я тебе сказал».

Поезд окончательно встал. Андрей, преодолевая ноющую усталость, вытащил на перрон свой «дипломат» и, с помощью проводника, неимоверно тяжелый кейс с «Грозой». Воздух Донецка ударил в лицо – он был другим. Суше, жестче московского, с отчетливым привкусом пыли, угольной взвеси и чего-то еще – промышленного, металлического, сернистого. Над городом висело низкое, белесое, словно выцветшее от времени и выбросов небо. И повсюду, куда ни глянь, как часть пейзажа, виднелись те самые, знакомые по схемам силуэты – остроконечные, правильные пирамиды терриконов. Одни дымились едким желтоватым дымком с вершин, другие уже потухли, поросли чахлым бурьяном и выглядели как древние курганы. Город, буквально выросший из шахт, из подземных лабиринтов. Город, где под ногами у каждого, под асфальтом и фундаментами домов, лежали многокилометровые, темные, забытые ходы. Это осознание было ошеломляющим.

Он нашел носильщика – такого же крепкого, молчаливого мужчину в телогрейке, – чтобы перевезти громоздкий кейс к выходу. Пока они медленно пробирались сквозь толпу к главному зданию вокзала, Андрей ловил на себе быстрые, оценивающие взгляды. Чужака, «варяга», было видно сразу – по одежде, по манере нести себя, по этому дурацкому кейсу с непонятными надписями.

«Геологоразведочная партия №4. Общежитие на ул. Шахтерской, 15», – прочитал он на помятом листке с адресом, выданном в Москве. Общежитие на окраине города, в районе, соседнем с тем самым «центральным». Его новый, временный дом. Его точка отсчета в этой чужой, угольно-стальной вселенной.

Садясь в потрепанный, выдавший виды «москвич» таксиста, пахнувший бензином и махоркой, он бросил последний взгляд на вокзальную площадь, на суетящуюся толпу. Ивана Семеновича уже не было видно. Он растворился в этом городе, как капля воды всасывается в сухую, потрескавшуюся землю, как капля крови в угольный пласт. Бесследно. Но его слова, его предостережения, его история – не растворились. Они висели в дымном воздухе Донецка, смешивались с запахом гари и пыли, впитывались в кожу, в легкие. Они стали частью того фона, на котором теперь будет разворачиваться жизнь Андрея.

Он откинулся на жесткое сиденье такси, закрыл глаза. Первая часть пути – из Москвы, из института – была завер-

шена. Впереди было устройство на новом месте, знакомство с коллегами и начальством, первые, робкие шаги на новой работе. И где-то совсем близко, под землей, в непроглядной темноте старых, заросших паутиной времени выработок, ждала его Тайна. Тайна, у которой было имя, история и, если верить Ивану Семеновичу, характер. Имя, которое он уже не мог просто отбросить как нелепое суеверие. Оно стало фактом. Фактом местного фольклора. А с фактами, как учили в институте, надо считаться, даже если они не вписываются в твою картину мира.

Машина, фыркнув выхлопом, тронулась с места, увозя его вглубь незнакомого города, навстречу его будущему, которое с каждым оборотом колеса, с каждым встречным терриконом, все теснее и неразрывнее переплеталось с призрачным, волосатым, кашляющим во тьме прошлым по имени Шубин.

Глава 3. Поселок «Глубокий»

«Москвич» таксиста, уступая место ухабам, вырулила с относительно ровного проспекта на грунтовку, и город Донецк словно сбросил с себя последние приличные одежды. Исчезли блочные пятиэтажки «хрущёвок», остались позади редкие, ещё дореволюционные двухэтажные домики с побитой штукатуркой и выцветшими ставнями. Впереди, за полосой чахлого, покрытого угольной пылью перелеска, раскинулось то, что на карте именовалось посёлком «Глубокий».

Он не был похож на типичный, спланированный совет-

ский рабочий посёлок с прямыми улицами и кварталами одинаковых домов. Это было стихийное, органическое образование, выросшее вокруг шахты, как лишайник на камне, и умирающее вместе с ней. Грунтовая дорога виляла между невысокими, выросшими в землю домами, как будто стесняясь их бедности. Здесь было смешение всех эпох. Тёмные, почерневшие от времени срубы с причудливой, но облупившейся резьбой на наличниках – наследие ещё дореволюционных крестьян-переселенцев. Покосившиеся саманные мазанки, побеленные известью, с плоскими крышами из волнистого шифера или рубероида – уже 20-30-е годы. Более поздние, послевоенные «финские» домики из шлакоблока, но и они выглядели обветшало, с паутиной трещин на стенах. Многие окна были наглухо заколочены досками, с которых облезла краска. Воздух здесь был тише, городской гул не долетал, но запах угля чувствовался острее, въедливее. Он смешивался с запахом сырой земли из огородов, сладковатым дымком из печных труб и чем-то затхлым, подвальным – запахом уходящей в прошлое жизни.

– Вот ваш штаб, – буркнул таксист, указывая подбородком на двухэтажное здание из красного кирпича, выгоревшего на солнце и дождях до цвета ржавчины. Оно выделялось на фоне одноэтажной застройки своей массивностью. Когда-то, судя по остаткам архитектурных претензий – полукруглым окнам на втором этаже и массивным, ныне заколоченным воротам, – это могла быть контора шахты или даже

школа. Теперь по фасаду тянулась длинная, из покосившихся пластиковых букв, вывеска: «Геологоразведочная партия №4. Трест «Донецкуглеразведка». Рядом, на утоптанном пятчке, стояли несколько «буханок»-уазиков и один ГАЗ-66 с кузовом, заляпанным грязью до состояния хаки.

Андрей расплатился, с трудом вытащил из багажника свой неуклюжий «дипломат» и тяжёлый кейс с «Грозой-М». Таксист, не дожидаясь помощи и не сказав ни слова, рванул с места, подняв клубы серой пыли. Андрей остался один посреди тихой улицы, перед угрюмым зданием, чувствуя себя не просто новичком, а исследователем, высадившимся на заброшенную, негостеприимную планету. Где-то в глубине души щемящей нотой звучало: «Здесь работал дед».

Внутри пахло старым деревом полов, махоркой, сыростью от толстых стен и чем-то химическим, похожим на солярку и окисленный металл. Вестибюль был выстлан потрескавшейся кафельной плиткой «в шашечку». На стене висел огромный, пыльный стенд. На нём – пожелтевшие фотографии усатых мужчин в касках и фуфайках с орденами на груди и девушки с косами, держащей модель отбойного молотка. Подписи: «Передовая бригада проходчиков шахты «Глубокая», 1957 г.». Рядом – схематическая карта района с отметками шахтных полей, некоторые были перечёркнуты красным крестиком. За деревянным, обшарпанным пультом, похожим на школьную кафедру, сидела немолодая женщина в очках с толстыми стёклами. Она не отрываясь вязала что-то

серое и бесконечное.

Андрей подошёл, поставив кейс с грохотом.

– Здравствуйте. Я Гордеев. Андрей Викторович. Меня из Московского горного института направили, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно.

Женщина подняла на него глаза без особого интереса, будто видела таких, как он, каждый день.

– А, новый. Студент. Ждали вас. Виктор Павлович преуджедал. Он у себя. Кабинет в конце коридора, на втором этаже. Поднимайтесь.

Ни «здравствуйте», ни улыбки, даже взгляд не задержался. Чисто деловая констатация. Андрей кивнул, взвалил «дипломат» на плечо и, с трудом волоча за собой проклятый, неудобный кейс с аппаратурой, направился по скрипучей деревянной лестнице наверх. Ступени прогибались под весом.

Коридор второго этажа был погружён в полумрак, освещённый лишь одной лампочкой без плафона, свисавшей на длинном проводе. Двери по обе стороны были закрыты, на некоторых висели самодельные таблички из фанеры с выжженными или нарисованными краской надписями: «Бухгалтерия», «Камералка», «Начальник партии», «Техника безопасности». Последняя дверь в конце коридора была приоткрыта, оттуда доносился стук пишущей машинки. Андрей постучал костяшками пальцев по твёрдому дереву.

– Войдите! – ответил сухой, негромкий голос.

Кабинет оказался просторным, но до жути мрачным. Высокие потолки с лепниной, почерневшей от времени. Большое, запылённое окно, выходящее на пустырь и виднеющийся вдали остроконечный террикон – искусственную гору из пустой породы. За массивным деревянным столом, заваленном кипами бумаг, свёртками карт, образцами породы в мешочках и потрёпанными папками, сидел мужчина. Виктор Павлович.

Он не был похож на хрестоматийного сурового начальника-производственника. Скорее, на уставшего, посаженного на скудную диету учёного-полевика. Худощавый, даже костлявый, в простой синей рубашке с закатанными по локоть рукавами, очки в тонкой металлической оправе сползли на кончик носа. Но взгляд из-под густых, седых, нависших бровей был острым, быстрым, сканирующим, как луч радара. Он на мгновение остановился на Андрее, оценивая, затем вернулся к бумаге, которую подписывал.

– Гордеев? – спросил он, не протягивая руки и не поднимая головы окончательно.

– Так точно. Андрей Викторович.

– Садитесь. Документы на стол.

Андрей, скинув «дипломат» на пол, с трудом протиснул кейс между стулом и дверью, сел и протянул папку с направлением, предписанием, паспортом и заверенной копией

диплома. Виктор Павлович бегло, но внимательно просмотрел каждую бумагу, сверяя что-то со списком, лежавшим у него под рукой. Его пальцы, длинные и жилистые, с коротко остриженными ногтями, перебирали листы без суеты.

– Московский горный... Отлично с отличием... Направлен для апробации опытного образца георадара «Гроза-М»... – он пробурчал себе под нос, как бы составляя внутренний протокол. – Ну что ж, прибыли. Приём считаю состоявшимся. – Он отложил папку в сторону и впервые взглянул на Андрея прямо. – Значит, завтра с утра можете приступить. Место в общежитии вам выделено, там же, в посёлке, улица Шахтёрская, дом 15. Это пять-семь минут неспешным шагом. Ключ у вахтера, Марьи Ивановны, на первом этаже. Она же вам постельное бельё выдаст. Условия спартанские, но жить можно.

– Спасибо. А где мне... аппаратуру хранить? – спросил Андрей, кивнув на злополучный кейс.

Виктор Павлович смерил его скептическим взглядом, как незваного гостя, принесшего в дом хлопот.

– Вот здесь, в камеральной, пока что. Там сейф есть. Но предупреждаю сразу и навсегда: ответственность за сохранность, работоспособность и результаты, полученные с помощью этого агрегата, – целиком и полностью на вас. Партия за этот ящик, за его капризы и возможную бесполезность, не отвечает. Это ваш эксперимент, санкционированный свыше. Моя задача – предоставить вам площадку и минимальную

поддержку. Ваша – доказать, что эта штука чего-то стоит. Понятно?

– Понятно, – кивнул Андрей, чувствуя, как под этой сухой, бесстрастной речью скрывается глубокое, профессиональное недоверие ко всему новому и непроверенному в полевых условиях.

– Отлично. Теперь по сути работ. – Виктор Павлович откинулся на спинку старого кресла, сложив руки на животе. – Ваша задача, как я понимаю из бумаг, – опробовать этот георадар на предмет поиска не вскрытых выработками пластов в зоне действия старых, законсервированных и заброшенных шахт. Конкретная площадка для начала – шахта «Глубокая-2». Место вам по геологическим отчётам знакомо?

– Изучал схематический план и данные по керну соседних скважин, – ответил Андрей, стараясь говорить на языке фактов.

– На бумаге – одно, под землёй, в полутора сотнях метров от поверхности – другое, – сухо парировал Виктор Павлович. – Шахта закрыта в шестьдесят первом году. Основной ствол частично завален, надшахтное строение разобрано на кирпич и металлолом лет двадцать назад. Остался бетонный колодец, перекрытый рельсами и заваленный сверху строительным хламом. Но есть старый, вспомогательный вентиляционный ствол – «дудка». Он в полукилометре от основного, в овраге. Через него и будем осуществлять спуск. Условия – не санаторий. Высокая влажность, возможно, вода на дне,

старые деревянные крепи могут быть ненадёжны. Работать будете не в одиночку.

Он наклонился к старенькой селекторной связи на столе и нажал кнопку.

– Володя, ко мне.

Через пару минут в кабинет, без стука, вошёл парень. Лет двадцати пяти, ростом чуть ниже Андрея, но коренастый, широкий в плечах, с фигурой, напоминающей невысокий, крепкий дубок. Лицо открытое, скуластое, с густыми тёмными бровями и шапкой таких же тёмных, выющихся, непослушных волос. На нём была замасленная телогрейка нараспашку, под ней – клетчатая рубаха, и грубые рабочие брюки, заправленные в кирзовые сапоги. Но глаза, карие и живые, смотрели на Андрея с нескрываемым, дружелюбно-хитрым любопытством.

– Володя, это твой новый напарник, Андрей Гордеев. Геолог из Москвы. Со своей диковинной машиной, – представил Виктор Павлович скупое, жестом указывая на кейс. – С завтрашнего дня вы с ним работаете на «Глубокой-2». Всё подготовь к утру: проверь лестницы, верёвки, фонари, газоанализатор. И смотри у меня, Володя, чтоб всё было по инструкции техники безопасности. Никакой самостоятельности. Ты за него в ответе под землёй.

– Будет сделано, Виктор Павлович, – бойко и уважительно ответил Володя. В его голосе чувствовался лёгкий, мягкий

местный говорок, смягчающий согласные.

– Гордеев, идите, устраивайтесь. Сегодня – акклиматизация. Завтра в семь ноль-ноль здесь, у здания. Не опаздывать. Володя, помощи с аппаратурой.

Андрей вышел из кабинета, чувствуя себя как после короткого, но ёмкого и интенсивного брифинга. Воздух в коридоре показался после кабинета легче. Володя шёл рядом, легко взвалив на плечо тяжёлый кейс, будто в нём лежали перья.

– Ну что, московский штучник, покажу тебе ваше царские хоромы. И аппаратуру вашу пристроим, чтоб не сглазили, – сказал он, и в его тоне звучала не насмешка, а добродушное подтрунивание.

– Спасибо. Да, кейс тяжёлый.

– Пустяки. Я и не такое таскал. – Володя повёл его обратно по коридору, к двери с табличкой «Камералка». Комната оказалась заставленной стеллажами с картонными коробками, в которых лежали образцы пород, свёртки карт в тубусах, старые журналы наблюдений. В углу, под слоем пыли, стоял сейф старого образца, зелёный, с массивной круглой ручкой. Володя достал из кармана связку ключей, нашёл нужный, открыл тяжёлую дверцу. Внутри пахло металлом и машинным маслом. Он аккуратно водрузил кейс, закрыл дверцу и щёлкнул замком.

– Ключ один у меня, второй – у Виктора Павловича в сей-

фе. Спи спокойно, твоя «Гроза» под охраной. Пойдём, поселемся.

Улица Шахтёрская оказалась одной из центральных в посёлке, если это слово тут вообще было уместно. Дом 15 – такое же двухэтажное кирпичное здание довоенной постройки, как и контора, но в ещё более плачевном состоянии. Штукатурка осыпалась, обнажая кирпич, кое-где окна были затянуты полиэтиленом. Вахтёрша, Марья Ивановна, оказалась сухой, как щепка, женщиной с лицом, на котором застыло выражение хронического недовольства миром. Она молча, не глядя на Андрея, вручила ему ключ с деревянной биркой, два серых, жестких на ощупь пододеяльника, такую же простыню и наволочку, пахнувшие нафталином.

– Комната 14 на втором этаже, справа по коридору. Туалет в конце. Умывальник там же, вода холодная. Горячей нет. Тишина после одиннадцати. Посторонних, распитие спиртного и курение в помещениях – запрещено. Правила на стене в вестибюле. Нарушишь – выселю в тот же день. Вопросы?

Тон не допускал вопросов. Андрей молча взял бельё и ключ.

– Спасибо.

– Не за что, – буркнула она и снова уткнулась в раскрытый кроссворд.

Комната была крошечной, метров десять, не больше. Две железные кровати с вогнутыми сетчатыми панцирями стояли у противоположных стен. Между ними – проход. Две тум-

бочки, один стол под единственным окном, на котором стояла керосинка «Луч» и лежала застывшая в лужице свечка. В углу – небольшой шкаф для одежды с покوروبленными дверцами. На одной кровати уже лежали чьи-то вещи – аккуратно сложенная заношенная рабочая роба, пара книг в потрёпанных обложках (одна, как заметил Андрей, – «Тихий Дон»). Значит, сосед.

– Вот и вся наша хоромина, – развёл руками Володя, стоя в дверях и загораживая собой почти весь проём. – Я, кстати, твой сосед. Моя кровать слева.

Андрей с облегчением скинул «дипломат» на свободную кровать и сел на неё, чувствуя, как пружины прогибаются до предела.

– Ну что, принимай, как есть. Не Рио-де-Жанейро, но своя крыша есть. А главное – печка, – Володя указал на маленькую, круглую «буржуйку» в углу. – Вечерком протоплю – будет тепло. А сейчас давай чайку? У меня припас есть.

Он достал из-под кровати походный примус, ловко его заправил, чиркнул спичкой, и через мгновение в комнате зашипело ровное синее пламя. Поставил на него эмалированный чайник с отбитым носиком.

– Спасибо, – искренне сказал Андрей. Усталость от дороги и впечатлений начинала давить, а простая человеческая забота в этом неуютном месте была дорогого стоит.

– Не за что. Ты ж тут, как слепой котёнок, – Володя усмехнулся, присаживаясь на свою кровать и доставая пачку «Бе-

ломора» и бог весть откуда взявшуюся газетную бумагу для самокрутки. – Куришь?

– Нет.

– Зря. Под землёй, браток, иногда только табак нервы и успокаивает, когда тишина давит. – Он ловко скрутил толстую, несуразную сигарку и прикурил. Едкий дымок махорки заполнил комнату. – Ну что, рассказывай про свою штуку. Правда, что она сквозь землю, как рентген, видит?

Андрей, чувствуя необходимость наладить контакт с единственным здесь союзником, начал объяснять в общих, упрощённых чертах принцип действия георадара: излучение импульсов, отражение от неоднородностей, построение разреза. Володя слушал внимательно, кивал, иногда задавая уточняющие вопросы, которые выдавали в нём не дилетанта, а человека, знакомого с техникой и полевыми условиями. Но в его карих глазах читалось не столько понимание сложных физических процессов, сколько скептическое, пытлиное любопытство.

– Звучит как из книжки про будущее, – заключил он, выпустив кольцо дыма. – Но если она и правда работает... это ж революция, братан. Только вот... – он неожиданно понизил голос, хотя кроме них в комнате никого не было, – на «Глубокой-2» не всё так просто и прозрачно. Там не только порода интересная бывает.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Андрей, стараясь звучать нейтрально, но внутри что-то насторожилось.

– Место... со своими особенностями. – Володя потушил окурок о железный поддон печки. – Выработки старые. Лабиринты. Некоторые ходы – вообще не на схемах. И... ну, местные байки. Ты про Шубина слышал?

Сердце Андрея ёкнуло. Опять это имя. Оно преследовало его, как тень, с самого поезда.

– В дороге один старик что-то упоминал. Суеверия шахтёрские, вроде.

– Суеверия, говоришь? – Володя усмехнулся, но усмешка была беззлобной, скорее усталой. – Я тут, браток, вырос. Мой дед и отец в этих шахтах горбатились. Я сам с шестнадцати лет по всяким заброшкам лазил – то деталь какую найти, то просто из интереса, из озорства. Так вот, не всё так просто объясняется. Я сам... ну, не видел ничего, чтобы в учебнике описали. Но слышал. И не раз. Шаги в полной тишине, когда рядом на километр ни души. Шёпот в темноте, будто кто-то советует. А однажды... – он замолчал, глядя в запylённое окно на темнеющий посёлок, – однажды я полез в один старый, узкий ход на «Глубокой-1», это соседняя, ещё более древняя. Фонарь сел. Сажу в полной темноте, тишина – хоть стреляй. И вдруг... чётко почувствовал, как по затылку кто-то дышит. Тяжёлое, тёплое дыхание. Я аж обмер. Обернулся – никого, конечно. Но ощущение было... будто огромный, тёплый зверь стоит за спиной и смотрит. Я оттуда вылез как ошпаренный. Больше в тот ход ни ногой.

Андрей слушал, и по спине у него бежали мурашки. Воло-

да не был похож на фантазёра или истерика. Он говорил спокойно, даже буднично, констатируя факты, пусть и не укладывающиеся в обычную картину мира.

– И ты думаешь, это... Шубин? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

– Кто его знает. Может, Шубин. Может, просто темнота, своё сердцебиение слышал и мозг дорисовал. Но я тебе вот что скажу на полном серьёзе: старые шахтёры, которые жизнь под землёй провели, – не дураки были. Они не просто так легенды складывали. В каждой такой байке – крупица выстраданной правды. Шубин... он как индикатор. Если он к тебе «добрый» – работа может пойти, можешь даже удачу поймать, выход найти, где, казалось бы, тупик. Если «злой» или просто не в духе – вали оттуда. Без разговоров, без геройства. Потому что может стать очень, очень плохо. Не обвалом, так... другим способом.

– Виктор Павлович знает про эти... байки? – спросил Андрей, вспомнив сухой, рациональный взгляд начальника.

– Виктор Павлович? – Володя фыркнул. – Он рационалист до мозга костей. Он, между прочим, из Ленинграда, с университетским образованием. Для него всё, что не вписывается в учебник по геологии или инструкцию по технике безопасности, – чепуха, пережиток тёмного прошлого, мешающий продуктивной работе. Он про Шубина, конечно, слышал, но считает эту тему вредной и отвлекающей. Так что при

нём лучше не заикаться. У него сразу стена вырастает.

– А ты? – Андрей посмотрел ему прямо в глаза. – Ты веришь в это?

Володя задумался, почесал в затылке.

– Не то чтобы верю, как в газету «Правду»... Я учитываю. Как учитываю вероятность внезапного обвала или выброса метана. Это часть местного... как бы сказать... климата. Подземного климата. Ты сам поймёшь, когда спустишься. Там атмосфера другая. Древняя. И она не любит, когда её тычут палкой, будь ты хоть трижды учёный. А твоя «Гроза»... она как раз и есть очень умная и нахальная палка. Так что мой тебе совет, браток: спускаясь, будь начеку. Не только за показаниями своих приборов следи. За... ну, за ощущениями. За тишиной. Они иногда точнее любого манометра или газоанализатора подскажут, где надо остановиться.

Это был уже второй за день совет «прислушиваться» к чему-то неосязаемому. Сперва от старика в поезде, теперь от практичного, казалось бы, парня. Андрей молча кивнул. Спорить было бесполезно и, возможно, неразумно. Он был здесь новичком, а Володя – своим, знающим местность и её неписанные законы.

Они допили чай из толстых стаканов, и Володя, сославшись на дела, ушёл «к ребятам на вечерку». Андрей остался один в наступающих сумерках. Он попытался обустроить свой угол, но делал это механически. Разложил немногие вещи, повесил на гвоздь у изголовья кровати ту самую, потре-

панную фотографию деда. Света в комнате не было, он нашёл на стене выключатель, щёлкнул – лампочка под потолком, вся в паутине, тускло замигала и вспыхнула желтоватым, неверным светом, едва разгоняя сгущающиеся в углах тени.

Он подошёл к окну. Внизу, в сумерках, посёлок «Глубокий» казался ещё более потертым, заброшенным. Кое-где в окошках зажглись огни – тусклые, неяркие, будто нехотя. Из трубы соседнего дома валил густой, чёрный дым: топили печь углём, который, наверное, добывали здесь же, в этих шахтах. По улице, скрипя по снежной каше, протащи́лась запряжённая в сани тощая лошадь, за ней, пону́рив голову, шёл старик в ватнике и ушанке. Картина была настолько архаичной, что казалась оторванной от времени, от века космических полётов и ядерной энергии.

Андрей достал из «дипломата» свой полевой блокнот в прочной кожаной обложке и новую, неразлинованную тетрадь для дневниковых записей. Ему хотелось зафиксировать свои первые впечатления, пока они были свежи. Он сел за стол, подвинул керосиновую лампу, зажёл её, и в комнате заплясали длинные, трепетные тени. Запись началась с сухих фактов, но быстро превратилась в поток сознания.

«День первый. Посёлок «Глубокий». Впечатление: не место, а состояние. Состояние медленного умирания, вросшего в пейзаж. Запах угля везде – в воздухе, в земле, в стенах домов. Это не просто топливо, это атмосфера, генетический

код местности. Люди здесь живут в его тени – буквально и метафорически.

Виктор Павлович, начальник партии. Тип: чиновник от науки. Рационалист-прагматик. Всё, что не подтверждено отчётом или инструкцией, для него не существует. Относится ко мне с подчёркнутым скепсисом, как к ребёнку с опасной игрушкой («Гроза-М»). Поставил чёткие, жёсткие рамки и срок. Неделя на доказательство состоятельности методики. Давление есть, но оно чёткое, понятное, вписывающееся в логику карьеры и отчётности.

Владимир (Володя), напарник. Противоположность начальнику. Местный, коренной, практик. Образование, видимо, техникумовское или школа жизни. Умный, наблюдательный, с живым, незашоренным взглядом. Открыт, дружелюбен, но за этой открытостью – глубокое, интуитивное знание места. Оно не книжное, а сенсорное, почти животное. Он первый человек, который заговорил со мной о Шубине не как о сказке, а как о факторе среды, с которым нужно считаться, как с погодой или рельефом. Привёл личный пример «странности». Не убеждал, а информировал. Его совет: «слушать тишину». Что это значит на практике – пока неясно.

Второе упоминание Шубина. Из случайной встречи в поезде тема перешла в статус местного фольклорного фона. Это уже не отдельная история, а часть контекста. Контекста, в который мне предстоит погрузиться завтра.

Личное. Висит на стене фотография деда, Петра. Смотрю на неё и пытаюсь представить его здесь, в этих улицах, в этом воздухе. Не получается. Для меня он застыл в 1934-м году, в том взрыве. А здесь время течёт иначе. Оно не линейно, а слоисто, как геологический разрез. 1978-й год здесь на поверхности. Где-то под ней – 1961-й (закрытие «Глубокой-2»). Ещё глубже – 1934-й. И, возможно, ещё глубже – что-то более древнее, что породило сами легенды.

Задача на завтра: первый спуск. Техническая цель: опробовать «Грозу-М» в условиях реальной, заброшенной выработки. Снять первые данные, понять характер помех. Личная цель: почувствовать место. Проверить на себе «атмосферу», о которой говорил Володя. И, возможно, найти какую-то ниточку, ведущую к деду. Хотя я не понимаю, как это сделать. Может, просто быть там, где он был. Дышать тем же воздухом».

Он отложил ручку и снова взглянул в окно. На улице было уже совсем темно. Звёзд не было видно – небо затянуло низкой, плотной облачностью, отражающей оранжевый отсвет где-то далёких городских огней или, возможно, факелов металлургического комбината. Издалека донёсся гудок поезда – протяжный, тоскливый, растворяющийся в ночи.

Андрею внезапно захотелось выйти, пройтись по этому спящему посёлку, попытаться прочувствовать его пульс. Он натянул куртку и спустился вниз. В вестибюле, за своим пультом, под тусклой лампочкой, дремала Марья Ивановна,

положив голову на сложенные руки. Он вышел на улицу.

Холодный, влажный воздух обжёг лёгкие. Тишина была абсолютной, почти звенящей. Ни машин, ни голосов. Только ветер, гуляющий между домами и шуршащий сухими стеблями бурьяна во дворах. Он пошёл наугад, по грунтовой дороге, которая вскоре превратилась в тропинку, ведущую к краю посёлка. Справа, в темноте, угадывались очертания огромного, чёрного террикона – пирамиды из пустой породы, вынутой из недр за десятилетия. Он казался спящим вулканом, чёрным на фоне чуть более светлого неба. Андрей знал, что эти отвалы иногда тлеют внутри, годами, выделяя едкий дым. Но сейчас террикон был безмолвен и неподвижен, как памятник самому себе.

Тропинка привела его к невысокому холму. С него открывался вид на панораму посёлка – редкие огоньки в окнах, тёмные силуэты домов, и дальше, на восток, – смутное свечение над Донецком. А прямо перед ним, в ложбине, начинался овраг. Там, в самой глубине, должен был находиться тот самый вентиляционный ствол – «дудка», через который предстояло спускаться завтра. Отсюда его не было видно, но Андрей чувствовал его присутствие. Чувствовал, как земля под ногами уходит куда-то вниз, в непроглядную тьму.

Он стоял так долго, пока холод не стал проникать сквозь куртку. В голове, вопреки всем научным установкам, крутилась крамольная мысль: а что, если «Гроза-М» завтра действительно увидит что-то необычное? Не просто аномалию

плотности пород, а нечто, что заставит пошатнуться его собственную, выстроенную с таким трудом картину мира? Володя говорил о «другой атмосфере». Учёные-физики могли бы сказать о неизученных геофизических полях. Парапсихологи – о месте силы или скоплении пси-энергии. А он, Андрей Гордеев, геолог, что должен был думать?

Он повернулся и пошёл обратно. В комнате было холодно. Он лёг в кровать, не раздеваясь, накрывшись жёстким, пахнущим нафталином одеялом. Через стену доносились приглушённые звуки – мужской смех, лязг посуды, изредка – обрывки какой-то мелодии, играемой на баяне или гармошке. Это была обычная, человеческая жизнь, такая же, как в тысячах других рабочих посёлков страны. Но здесь, в «Глубоком», она казалась тонкой плёнкой, натянутой над бездной. Бездной, уходящей вглубь земли и, возможно, вглубь времени.

Перед сном он ещё раз посмотрел на фотографию деда. Молодое, серьёзное лицо, смотрящее на него из 1932 года. «Что ты нашёл там, внизу? – мысленно спросил Андрей. – Что заставило тебя молчать всю оставшуюся жизнь? Просто ужас катастрофы? Или нечто большее?»

Он выключил свет. В комнате, кроме слабого отблеска уличного фонаря в окне, стало совершенно темно. И в этой темноте, уже на грани сна, ему снова почудился далёкий, знакомый звук – не кашель, нет. Скорее, скрип. Сухой, протяжный скрип, будто огромная, тяжелая дверь где-

то очень глубоко под землей медленно, нехотя, со скрежетом открывается. Он напрягся, прислушался. Звук не повторился. Должно быть, ветер сквозняком гуляет в щелях старого дома или где-то на пустыре скрипит незакреплённая железная кровля.

«Нервы, – строго сказал он сам себе. – Просто нервы и усталость от дороги. Завтра нужна ясная голова».

Он зажмурился, пытаясь отогнать навязчивые образы: чёрный провал ствола, мерцание фонаря на мокрых стенах, и тени, которые могут оказаться не просто игрой света. Но последней мыслью, упорно всплывавшей в сознании, была не геология, а имя. Одно-единственное, странное имя, которое теперь, здесь, в этой комнате, обрело плоть и вес.

Шубин.

Оно висело в темноте, как невысказанный вопрос, как обещание встречи. Завтра, под землёй, он начнёт искать ответ. Или, возможно, ответ начнёт искать его.

Глава 4. Шахта «Глубокая-2»

Холодный, пронизывающий ветер с востока, не встречавший на плоской донецкой степи никаких преград, гнал по низкому, свинцово-серому небу рваные, быстро мчащиеся облака и швырял в лицо колючую, почти ледяную морось. Капли ее не стекали, а впивались в кожу, как мелкие иголки. Узик-«буханка», подпрыгивая на ухабах размытой осенними дождями грунтовки, вынес их из чахлого, полуголого перелеска на открытое пространство, и Андрей впервые увидел

во всей пугающей полноте то, что должно было стать эпицентром его новой жизни, его испытанием и, возможно, проклятием.

Он ожидал увидеть промышленный объект, пусть и заброшенный – нечто, сохранявшее черты инженерной логики, следы человеческого ума и воли. Участок, который можно было бы изучить, систематизировать, покорить расчетами. То, что открылось его взгляду, было иным. Это был археологический памятник, но памятник не древней, а недавней, жестокой и ушедшей цивилизации. Руины, медленно поглощаемые природой и временем, где каждое ржавое ребро балки, каждый обломок кирпича кричали о конечности любых человеческих усилий.

Перед ними расстилалась обширная, унылая, выжженная равнина. Бывшая промплощадка шахты «Глубокая-2». Ее покрывал бурый, вымокший до черноты бурьян – лебеда, полынь, сухой, ломкий чертополох. Он прорывался сквозь трещины в остатках асфальтовых дорог, взламывал бетонные плиты фундаментов исчезнувших зданий, обвивал ржавые трубы и балки. Земля здесь была не землей, а смесью шлака, глины, угольной пыли и битого кирпича – бесплодной, ядовитой субстанции.

И посреди этого мертвого пейзажа, как гигантские надгробия забытому племени, вздымались терриконы. Их было несколько – три, а может, четыре, они терялись в серой дымке на краю поля. Они не были похожи на аккуратные, кону-

сообразные отвалы с действующих шахт. Это были бесформенные, оползневые, разъевшиеся горы шлака и пустой породы. Время и дожди размыли их склоны, превратив в пологие холмы, поросшие чахлой, рыжей, как проказа, травой и уродливыми, искривленными кустами терновника. С вершин двух из них, самых больших, все еще поднимались тонкие, но упрямые струйки едкого, желтоватого дыма. Внутри этих искусственных вулканов десятилетиями тлели остатки угля, угольной пыли и древесины крепей. Эти медленные, неумолимые подземные пожары, которые невозможно было потушить, были символом вечного, тлеющего покаяния этого места. Воздух здесь был густым и тяжелым. Он пах не просто углем, а гарью, серой, химической горечью сгоревших пород, и все это было смешано с острым, влажным запахом глины и прелой растительности – запахом тления и забвения.

Но главным, что притягивало и одновременно отталкивало взгляд, были не они. В самом центре этой индустриальной пустоши, как черный алтарь в центре капища, стоял остов копра шахты «Глубокая-2».

Когда-то, судя по старым фотографиям, это было величественное, устремленное в небо сооружение из стальных балок и толстых деревянных брусьев – настоящие ворота в подземный мир, символ победы человека над темнотой недр. Теперь оно напоминало скелет исполинского доисторического зверя, погибшего в мучительной, долгой агонии и оставленного гнить под открытым небом. Две массивные,

бетонные ноги-опоры, ободранные до серой, обнаженной арматуры, похожей на высохшие сухожилия, все еще упирались в землю. Но стальная ажурная надстройка между ними – та самая, что держала колеса-шкивы и подъемные механизмы, – была почти полностью разрушена. От нее остались лишь кривые, покрытые слоями бурой ржавчины балки, торчащие в разные стороны, как сломанные ребра гиганта. Один огромный, многотонный шкив для подъемного каната валялся на боку в огромной грязной луже, наполовину ушедший в жидкую черную грязь, словно пытаясь в нее провалиться. Рядом лежали груды битого, почерневшего кирпича от разобранного здания управления, складов, душевых. И уже из-под этих руин, вопреки всей ядовитости почвы, пробивалась молодая, нахальная поросль – березки, ивы, крапива. Жизнь, тупая и цепкая, возвращала себе свое.

Масштаб запустения был ошеломляющим. Он давил не только визуально, но и каким-то глубинным, экзистенциальным чувством бессмысленности. Здесь когда-то кипела жизнь, грохотали машины, гудели гудки, спускались и поднимались вагонетки с углем и люди в засаленных спецовках, добывавшие из недр черное золото страны, строившие свою жизнь и будущее. Теперь – мертвая тишина, нарушаемая лишь завыванием ветра в железных ребрах, да редким, каркающим криком вороны, кружившей над одним из терриконов, словно стервятник над падалью. Это было место, где время не просто остановилось – оно потекло вспять, поз-

воля дикой природе и безжалостным стихиям медленно, но верно отвоевывать свое, смывать следы человеческого присутствия, как волна смывает надпись на песке.

Уазик с глухим урчанием двигателя остановился метрах в пятидесяти от руин, уткнувшись колесами в груды шлака. Виктор Павлович, сидевший рядом с водителем, обернулся к Андрею, который молча, с открытым ртом, смотрел в запотевшее окно. В его глазах читался не страх, а нечто более сложное – ошеломление, смешанное с профессиональным интересом геолога, впервые увидевшего обнажившуюся тектоническую рану земли.

– Ну, Гордеев, знакомьтесь, – сказал Виктор Павлович, и в его голосе звучала не насмешка, а скорее усталая, почти похоронная констатация факта. – Ваше рабочее место на ближайшие недели, а то и месяцы, если, конечно, ваш фокус-покус что-то покажет. Красота, да? Настоящий памятник эпохе. Только без таблички.

Андрей кивнул, не находя слов. Его теоретические представления, подкрепленные чистыми, выверенными линиями институтских схем, разбились вдребезги о суровую, грязную, абсолютно антисептичную реальность этого пейзажа. Как тут работать? Где искать точку входа в эту хаотичную груды металла и камня? Куда, черт возьми, ставить хрупкую, капризную «Грозу»?

– Основной ствол, как видите, не просто завален, – продолжал Виктор Павлович, открывая дверцу и вылезая в сы-

рой, режущий ветер. Он застегнул на все пуговицы свой про-резиненный плащ. – Он опасен по определению. Обрушения там могут продолжаться еще сто лет, пока все не схлопнет-ся окончательно. Поэтому ваш плацдарм – вентиляционный ствол, о котором Володя вам вчера, наверное, уже нашептал. Он вон там, за тем пригорком. – Он вытянул руку, одетую в потертую кожаную перчатку, и указал на восток, где за поло-гим взгорьем виднелась более зеленая полоска – молодой ле-сок. – Но прежде чем бежать сломя голову в эту дыру, нужно оценить обстановку в целом. Осмотреться. Прочувствовать место, что ли. Пройдемся, посмотрим.

Они вышли из машины. Холодный воздух ударил в лицо, заставив Андрея вздрогнуть. Под ногами неприятно хрустел битый кирпич, шлак, осколки стекла. Володя, который ехал сзади и всю дорогу молча курил у открытого вентиляцион-ного люка, молча последовал за ними. Его обычно оживлен-ное, открытое лицо было сегодня сосредоточенным, даже на-стороженным. Он поглядывал не на копер, а куда-то в сторо-ну, туда, куда указывал Виктор Павлович, и его взгляд был пустым, избегающим.

Виктор Павлович повел их неспешной, деловой походкой к самому основанию копра. Ближе руины выглядели еще бо-лее грандиозными и в то же время бесконечно печальными. Ржавчина съела металл не просто сверху – она проникла в саму его структуру, превратила его в хрупкую, пористую суб-станцию, которая крошилась под пальцами, как песчаник.

На бетонных опорах еще можно было разглядеть следы давнишней, в несколько слоев, побелки и обрывки плакатов, наклеенных когда-то для поднятия духа – «Слава труду шахтеров!», «Пятилетку – в четыре года!», «Уголь – фронту!». Но краски выцвели, бумага отклеилась и обвисла клочьями, буквы расплылись, стали призрачными, как воспоминания.

– Шахта «Глубокая-2» закрыта приказом по тресту в шестьдесят первом году, – говорил Виктор Павлович ровным, бесстрастным голосом, словно экскурсовод в музее техногенных катастроф. – Отработали до предела основной пласт «Грековский», попробовали зайти на фланги, но там начались такие тектонические сюрпризы и такой газовый фактор, что продолжение сочли экономически нецелесообразным и, что важнее, смертельно опасным. Оборудование вывезли, что могли – разобрали на металл и кирпич. Осталось вот это. И под нашими ногами, Гордеев, – около ста пятидесяти километров выработок на разных горизонтах. Представляете? Целый подземный город. Часть его затоплена грунтовыми водами, часть обрушена от старости и горного давления. Имеющиеся у нас карты и схемы – не более чем условность, памятник оптимизму геодезистов пятидесятых годов. – Он наклонился, поднял увесистый кусок бетона и бросил его в черную, зияющую пасть заваленного ствола. Камень ударился о что-то в темноте, потом еще, еще, и глухое, утробное эхо, похожее на протяжный вздох, донеслось до них лишь через несколько секунд. Глубина была чу-

довищной.

Андрей, преодолевая легкую дрожь в коленях, подошел к самому краю. Осторожно, чтобы не поскользнуться на мокрой глине, он заглянул вниз. Под ногами зияла непроглядная чернота, из которой тянуло леденящим холодом и запахом сырого камня, вековой пыли и чего-то еще... затхлого, органического. Он почувствовал не головокружение от высоты, а странное, сосущее чувство в животе – осознание этой колоссальной пустоты под собой, этого многокилометрового, темного лабиринта, скрытого тонкой, ненадежной коркой земли, щебня и забвения.

Его взгляд скользнул дальше, за территорию «двойки». Туда, где за небольшим пологим взгорьем, поросшим редким кустарником, виднелся еще один, более низкий и древний на вид террикон, а за ним – темная, густая полоска взрослого леса, казавшегося неестественно черным на фоне серого дня.

– А что там? – спросил он, стараясь, чтобы голос не дрогнул, и кивнул в ту сторону.

Виктор Павлович помолчал. Он снял очки, протер их краем плаща, хотя они и так были сухими. Его взгляд скользнул к Володе. Тот стоял, опустив голову, и внимательно разглядывал свои сапоги, переминаясь с ноги на ногу, будто ему было холодно или неловко.

– Там, – сказал начальник партии наконец, сухо и отрывисто, вставляя очки обратно на переносицу, – находится шах-

та «Глубокая-1». Закрыта в тридцать пятом году. После серьезного... инцидента.

– Взрыва? – уточнил Андрей, вцепившись в эту возможность говорить фактами, а не чувствами. Он старался звучать как можно более нейтрально, как коллега, уточняющий детали.

– Да. Крупная авария. Взрыв метана, последовавший за ним взрыв угольной пыли. Погибло много людей. Ствол и приствольный двор были настолько повреждены, что их не стали восстанавливать. Просто... законсервировали. Заваляли, забетонировали. По сути, – Виктор Павлович сделал паузу, подбирая слова, – это братская могила. В прямом смысле. И сейчас это место, согласно всем действующим и даже устаревшим инструкциям, является зоной абсолютной, повышенной опасности. Не только и не столько из-за возможных обрушений. Там, по некоторым косвенным данным и старым замерам, до сих пор могут сохраняться обширные карманы со смесью метана и угарного газа. Тихая смерть. Поэтому, Володя, – он повернулся к молодому рабочему, – ты это твердо учтешь. Никаких, слышишь, никаких самовольных экскурсий, «посмотреть-поснимать» или «а давай-ка глянем» в сторону «Глубокой-1». Работаем строго в пределах отвода «двойки». Проверяем каждый поворот. Понятно?

– Понятно, Виктор Павлович, – глухо, не поднимая глаз, ответил Володя. В его покорном тоне слышалось не просто

согласие с начальством, а глубокая, личная убежденность.

– И вам, Гордеев, тоже должно быть абсолютно понятно, – Виктор Павлович повернулся к Андрею, и его взгляд стал жестким, стальным. – Ваши научные изыскания, ваши эксперименты с «Грозой» заканчиваются на границе этого поля. – Он ткнул пальцем в землю, будто прочерчивая невидимую, но непреодолимую линию. – Там, на «единичке», нечего ловить вашей аппаратуре. Кроме, как я уже сказал, беды. И я не позволю рисковать жизнями людей и дорогостоящим оборудованием из-за праздного любопытства. Это приказ.

Он резко повернулся и пошел обратно к уазу, чтобы забрать какие-то свернутые в трубку бумаги – те самые схемы. Андрей и Володя остались одни у зияющего черного рта главного ствола. Ветер, почуяв свободу, завыл в балках разрушенного копра с новой силой, гоняя по земле клочья пены с лужиц и сухие листья.

Наступило неловкое, гнетущее молчание. Андрей чувствовал, как слова Виктора Павловича о братской могиле и запрете висят между ними тяжелым, не произнесенным вслух вопросом о деде.

– Нехорошее место, – тихо, больше себе под нос, проговорил Володя, наконец подняв голову, но глядя не на Андрея, а куда-то в сторону того леска, за которым скрывалась «Глубокая-1».

– Из-за взрыва? Из-за того, что там люди погибли? – спросил Андрей, чтобы что-то сказать, чтобы разрядить тишину.

Володя медленно перевел на него взгляд. В его карих глазах, обычно таких живых, сейчас была та же настороженность, что и вчера в подземной галерее, когда они слышали тот странный звук.

– Из-за всего, Андрей. Взрыв... он не просто людей забрал. Он... отравил само место. Понимаешь? Как рана, которая гноится и не заживает, даже когда сверху уже шрам. Отец мой, он там не работал, он моложе, он на «Прогрессе» горбатился, но от стариков, от тех, кто застал ту пору, слышал. Говорили, что после того взрыва, еще несколько лет, земля там по ночам стонала. Не метафора, а реально – гудело, скрипело, будто в глубине что-то перемалывало камни. И что из забетонированного ствола, в туманные дни особенно, иногда выползает... ну, не туман даже. Мгла. Белесая, холодная, густая. И в ней... в ней видны тени. – Он помялся, видимо, колеблясь, стоит ли пугать «московского штучника» дальше, но что-то заставило его продолжить. – И Шубин, его, говорят, там больше всего. На «Глубокой-1». Потому что там его и убили, по одной из версий. Там его дом. Его крепость. Он там не просто бродит – он там хозяин. Самый главный. И злой, потому что место злое.

Андрей слушал, и холодный ветер, пробивавшийся сквозь куртку, казался еще холоднее, леденил кожу. Он вспомнил свой ночной кошмар – тот влажный, грудной кашель, доносящийся из глубины. И вчерашние, необъяснимые звуки в вентиляционной галерее – тот самый «хлюп» и последую-

щую зловещую тишину.

– И что, на «двойке» его нет? – спросил он, стараясь говорить спокойно.

– Есть, – без тени сомнения ответил Володя. – Как же ему не быть? Они же соединены, эти шахты. Кучей старых выработок, ходков, вентканалов. Он везде там, где его «хозяйство». По всему подземелью. Но на «единичке» – его сердцевина. Его... ну, как алтарь в церкви. Туда лучше не соваться. Даже думать об этом не надо, серьезно. Виктор Павлович, он хоть и не верит ни в черта, ни в Шубина, но правильно говорит – только беду наживешь. Там можно и без призраков пропасть. А уж с ними...

Он не договорил, но жест, которым он провел рукой по горлу, был красноречивее любых слов.

– Ты веришь в эти тени? В туман? – настойчиво спросил Андрей, наблюдая за его реакцией. Ему нужно было понять, где грань между суеверным страхом и каким-то знанием, опытом.

Володя пожал плечами, но это был жест не неуверенности, а скорее, нежелания вдаваться в метафизику.

– Я не верю и не не верю, как ты говоришь. Я просто знаю, что там бывать не стоит. Это аксиома. Местные, которые живут тут поколениями, даже грибы в том леске, что рядом, не собирают. Ягоды не берут. И собаки, самые бойцовые дворняги, туда не ходят. Завернешься на ту сторону – они у самой опушки встанут как вкопанные, шерсть дыбом, заскулят и –

драла. Вот и все. Факты. А уж что за ними стоит – не нам, простым смертным, судить. Может, газ какой выходит и животных травит. А может, и правда... нечисть. Не нам решать.

Он замолчал, судорожно пошарил в кармане телогрейки, достал помятую папиросу «Беломор». Но ветер был беспощаден – он тушил серную спичку за спичкой, вырывая ее из рук. В конце концов Володя с брезгливой усмешкой махнул рукой и сунул папиросу обратно в пачку.

– Ладно, хватит страшилок на сегодня. Пойдем, к «дудке» посмотрим. Надо оценить, как будем спускать твою железяку завтра. Да и тебе, глядишь, полегчает, когда увидишь, что вход у нас все-таки есть, а не только эта черная пасть.

Они пошли прочь от зловещего копра, по едва заметной, протоптанной, видимо, самим Володей или такими же искателями приключений, тропинке. Она виляла между кочек, пролезала под покосившимися, ржавыми фермами неизвестного назначения, огибала груды битого кирпича. Через двести-триста метров начался пологий склон, ведущий к небольшой ложине. Здесь уже была другая почва – поменьше шлака, больше обычной земли, и потому склон порос молодыми, но уже высоченными березками и ольхой, создававшими негустую, но живую чашу. И здесь, почти скрытое свисающими корнями и кустами ежевики, зияло невысокое, квадратное бетонное устье вентиляционного ствола – та самая «дудка».

Оно было меньше, чем представлялось на словах – при-

мерно метр на метр, не больше. Решетка, перекрывавшая вход, была не просто ржавой – она была согнута внутрь в нескольких местах и частично оторвана от бетонной обшивки. Следы свежих сколов на ржавчине и погнутые прутья говорили о недавней работе ломом и монтировкой – работе Володи вчера. Из темного отверстия тянуло устойчивой, холодной струей влажного воздуха. Он пах не просто плесенью – это был сложный букет: запах мокрого камня, железа, далекой глины, сладковатой гнили органики и чего-то еще... минерального, тяжелого, древнего.

Володя щелкнул выключателем своей шахтерской лампы-«шахтерки», и мощный луч, прорезав полумрак под деревьями, ринулся внутрь. Бетонные стены, облепленные толстым, бархатистым темным мхом и белесыми подтеками солей, уходили вниз, теряясь в абсолютной, бездонной черноте уже через десять-пятнадцать метров. Глубину на глаз определить было невозможно.

– Вот она, наша парадная дверь в царство Аида, – сказал Володя без тени энтузиазма, водя лучом по стенам. – Завтра с утра начнем. Спустим сначала снаряжение, потом твой сундук, потом сами. Разведаем ближние выработки, прикинем, где ставить твой локатор. Только... – он обернулся к Андрею, и в его глазах мелькнуло неподдельное беспокойство, – только давай, Андрей, без лишнего шума, а? Твоя «Гроза» вчера так пищала и трещала, что в ушах звенело. Может, как-нибудь потише можно? На минимальную мощ-

ность, что ли?

– Попробую настроить на более низкую частоту, меньше помех будет, – кивнул Андрей, хотя в инструкции ясно говорилось, что максимальная глубина достигается именно на высоких частотах. Но он был готов на компромисс. – И писк отключу, если можно.

– Вот и славно, – Володя явно обрадовался. – Тишина под землей – она звенящая. И когда ее рвет такой техникой... это непривычно. Не по-хозяйски.

Андрей подошел к самому краю ствола, ухватился за холодный, скользкий бетон и заглянул вниз. Холодный поток воздуха, поднимающийся из недр, обжег лицо, заставил глаза слезиться. Где-то там, в этой непроглядной, холодной, живой темноте, лежали ответы на все его вопросы – и сухие, геологические, и мучительные, личные. Но теперь, после всего увиденного и услышанного, после этого разговора о «отравленном месте» и взгляда на мрачный лесок над «Глубокой-1», предстоящий спуск казался не просто технической задачей молодого специалиста. Он ощущался как некое вторжение. Ритуальное, почти кощунственное вторжение на охраняемую, табуированную территорию. Территорию, у которой был хозяин. И этот хозяин, судя по всему, не ждал гостей.

В этот момент вернулся Виктор Павлович, размахивая свернутыми в толстую трубку пожелтевшими от времени схемами. Листы были такие большие, что их края заворачи-

вались.

– Итак, – начал он деловито, не обращая внимания на их подавленные лица, и расстелил одну из схем прямо на капоте уазика, прижав края камушками. Линии выработок, штреков, ортов и уклонов были похожи на запутанную, безумную паутину, нарисованную дрожащей рукой. – План на завтра. Вы спускаетесь здесь, в эту точку. – Его палец, с обгрызенным ногтем, ткнул в маленький квадратик, обозначавший устье их «дудки». – Ваша первоочередная цель – вот этот участок. – Палец пополз по извилистой линии главного штрека и остановился на расстоянии примерно пятисот метров от ствола. Зона была обведена красным карандашом. – По данным геологической службы пятидесятых годов, здесь, на границе с выработанным пространством, был оставлен неотработанный целик угля пласта «Грековский-Бис». Причина – опасное сближение с вышележащим пластом «Тонким» и высокий риск обрушения кровли. Целик оставили как естественную опору. Ваш прибор должен подтвердить или опровергнуть его наличие, оценить примерные размеры и, что самое главное, – не произошло ли за прошедшие годы естественного обрушения, которое могло сделать эту угольную подушку доступной для добычи. Двигаться будете по главному штреку. Он, по тем же данным, в относительно приличном состоянии – капитальная бетонная крепь. Володя, ты везешь полный комплект безопасности: газоанализатор ШИ-11, респираторы РУ-60м, аптечку, средства свя-

зи. Работаете не более четырех часов в первой смене. Потом обязательный подъем, отдых и анализ первичных данных. Вопросы есть?

– Какая именно связь? – спросил Андрей, глядя на клубок линий.

– Проводной телефон ТПВ-47. Катушка на пятьсот метров провода. Старая, военная еще, но чертовски надежная. Рации под землей, особенно в таких лабиринтах, не работают – экранирует порода. – Виктор Павлович посмотрел на него поверх очков, и его взгляд стал жестким, как сталь. – Запомни раз и навсегда, Гордеев. Это не учебная шахта в твоём институте и не игра в саперов. Каждое правило, каждая инструкция здесь написаны кровью. Чьей-то конкретной кровью. Не соблюдаешь – рискуешь не оценкой, а стать вечной статистикой в отчете о несчастном случае. Володя здесь в ответе за технику безопасности. Его слово под землей – закон. Услышал его команду «Назад!» или «Стоп!» – выполняешь мгновенно, без рассуждений. Нарушишь хоть раз – проект закроем, а тебя на первом же поезде, без разговоров, назад, в Москву. Уяснил?

«Назад, в Москву». Эти слова, произнесенные ледяным тоном, прозвучали как самый страшный приговор. Не угроза физической расправы, а угроза провала. Провала всей его миссии, личной и профессиональной. Возвращение в Москву с несданным отчетом, с нерешенной загадкой, с клеймом неудачника. Это было хуже, чем страх перед темнотой или

призраками.

– Уяснил, – сказал он твердо, глядя Виктору Павловичу прямо в глаза.

– Отлично. Тогда на сегодня все. Завтра в семь утра здесь, у машины. Не опаздывать. С вечера все проверь, аппаратуру заряди.

Обратная дорога в поселок была почти полностью молчаливой. Володя, сидевший сзади, уставился в запотевшее боковое окно на проплывающие мимо унылые, осенние пейзажи – покосившиеся заборы, серые огороды, дымящиеся трубы. Виктор Павлович что-то быстро и размашисто писал в своем потрепанном полевом блокноте, время от времени хмурясь. Андрей же мысленно возвращался к тому, что видел и слышал.

Размеры территории, масштаб подземного лабиринта поражали. Это был целый брошенный город, застывший во мгле, полный опасностей как физических, так и, если верить Володе, иных. И где-то в его сердцевине, за чертой, отмеченной красным на схеме и невидимой, но непреодолимой в реальности, лежала та самая «Глубокая-1» – абсолютно запретная зона. Место гибели его деда и, если верить местным легендам, обитель того самого Шубина, чье имя теперь звучало в его ушах не как сказка, а как часть ландшафта, как название ядовитого растения или опасного животного. Он чувствовал странное, почти магнетическое притяжение к то-

му месту. Это было глупо, иррационально и прямо противоречило всем инструкциям и приказам. Но он не мог отогнать мысль: чтобы понять правду о деде, чтобы закрыть эту семейную черную дыру, нужно заглянуть именно туда. Там – ключ. Но Виктор Павлович наложил строжайший, железобетонный запрет. И Володя, его единственный проводник и потенциальный союзник в этом подземном мире, явно, всем своим существом, не одобрил бы такой инициативы. Для Володи это было бы не исследованием, а святотатством.

Вечером, в своей холодной, неудобной комнате, Андрей разложил на столе, застеленном клеенкой с выцветшими цветами, свою копию схемы, которую аккуратно перерисовал в блокнот. Он изучал лабиринт штреков и ходков, пытаясь мысленно проложить маршрут к заветному целику. Участок, который им предстояло обследовать, был действительно в стороне от «Глубокой-1». Но его острый, тренированный глаз геолога сразу выхватил на схеме тонкую, едва заметную пунктирную линию, отходящую как раз от главного штрека примерно в трехстах метрах от целика. Рядом было выведено старческими, дрожащими чернилами: «ст. с. ход (забр.)». Старый соединительный ход (заброшен). Стрелочка указывала прямо в сторону соседнего шахтного поля – «Глубокая-1». И прямо на этой пунктирной линии стоял маленький, но злобный карандашный крестик, а чуть ниже – пометка: «завал? (пров. 1959)».

Соединительный ход. Заброшен. Возможно, завален.

Но... если нет? Если за эти годы что-то просело, обрушилось, открыв проход? Это была тонкая, почти невидимая ниточка, ведущая прямо в самое сердце тайны.

Андрей откинулся на стуле, закрыл глаза, потер переносицу. Перед ним стояла мучительная дилемма. Его прямая, служебная задача – найти и оценить угольный целик на «Глубокой-2». Его личный, глубоко запрятанный интерес – узнать правду о деде, которая, с наибольшей вероятностью, была зарыта там, на «Глубокой-1», в отчетах о катастрофе, в памяти места, а может, даже в тех самых «тенях», о которых говорил Володя. Но туда идти нельзя. Более того, сама мысль об этом после сегодняшнего разговора казалась не просто нарушением, а каким-то кощунством, вторжением в запретное святилище. Но разве настоящий ученый, исследователь, должен бояться легенд и суеверий? Разве его долг – не докопаться до истины, какой бы неприятной, жестокой или неудобной она ни была? Разве не ради этого он пошел в геологии? Чтобы видеть не поверхность, а то, что скрыто?

Он взглянул на фотографию деда, прислоненную к стене возле керосиновой лампы. Петр Гордеев смотрел на него с немим, вечным укором. Или это ему только казалось? Может, в этих светлых, уставших глазах читался не укор, а простой, человеческий вопрос: «Ты что, испугался деревенских сказок? Не смог?»

В этот момент дверь скрипнула, и в комнату, согнувшись от усталости, вошел Володя. Он скинул грязную телогрейку

на свою кровать, сел и тяжело вздохнул.

– Ну что, московский штучник, готов к завтрашнему подвигу? К реальному делу? – спросил он, но в голосе не было обычной доли издевки, только усталость.

– Готов, – коротко ответил Андрей, быстро свернув свою схему с пометками. Решил пока не задавать лишних, провокационных вопросов о соединительных ходах.

– И смотри, не забудь мою просьбу – поменьше шума от твоей железяки. А то... – Володя не договорил, но многозначительно посмотрел в сторону окна, за которым уже сгустились осенние сумерки. Смысл был ясен: «А то разбудишь того, кого будить не надо. Ту силу, что спит под землей».

– Я попробую настроить на минимальную мощность и отключу звуковую индикацию, – пообещал Андрей.

– Вот и славно. – Володя прилег на кровать, закинув руки за голову, и уставился в потолок, по которому ползли тени от пламени лампы. – Знаешь, Андрей, я сегодня, глядя на эти руины, на этот копер, думал одну думу... Мы все тут, в этом поселке, в этих шахтах – временные. Пришли, поработали, ушли. Шахта работала – был поселок, жизнь кипела, магазины, клуб, школа. Закрыли шахту – и поселок загибается на глазах. Молодежь уезжает в город, на новые стройки, старики доживают свой век. Остались только эти горы шлака да призраки в старых выработках. Может, и правильно, что твоя наука пытается что-то там найти, оживить это место, дать ему вторую жизнь. Но все равно, знаешь... жутко

как-то. Не по-человечески. Будто лезешь в могилу, в склеп, и шаришь там руками, ищешь, не осталось ли в карманах у покойников чего ценного. Мерзко это.

– Это не могила, Володя, – попытался возразить Андрей, но его слова прозвучали пусто, как заученная мантра. – Это геологическая структура. Месторождение полезных ископаемых. Объект изучения.

Володя повернул голову и посмотрел на него с нескрываемой жалостью.

– Для тебя, образованного, – структура. Для меня – могила. Буквально. Для моего деда по матери, который там, на «Глубокой-2», в сорок девятом, газовой гангреной умер после того, как ему бревном перебило ногу. Для дядьки моего, который спину сломал в завале и до пенсии потом палочкой ходил. – Он резко повернулся к стене, скрывая лицо. – Ладно, чего это я разнылся, как баба. Болтаем. Завтра рано вставать, дело делать. Спи.

Он натянул на голову подушку и вскоре его дыхание стало ровным, хотя и напряженным. Андрей остался наедине с гулом в ушах и с тяжелыми мыслями. «Могила». Сильное, страшное, но, возможно, самое точное слово. Шахта «Глубокая-2» была могилой для чьих-то надежд, чьих-то жизней, чьего-то тяжелого, ежедневного труда. А «Глубокая-1» – и вовсе братской могилой, склепом, запечатанным навеки. И он, Андрей Гордеев, собирался с помощью своего электронного оракула, «Грозы-М», шарить в этих могилах, ис-

кать... что? Уголь? Геологическую сенсацию? Или, быть может, нечто совсем иное – призрачную правду, которая не имеет веса и объема, но жжет душу?

Он потушил лампу и лег в темноту. Но сон не шел. В темноте воображение, разогретое дневными впечатлениями, заработало с удвоенной, пугающей силой. Он видел темный, заваленный ствол «Глубокой-1», из которого, как дыхание спящего дракона, валит белый, холодный, стелющийся по земле туман. В тумане мелькают, плавают тени – бесформенные, но смутно узнаваемо человеческие силуэты. Они молчат. И над всем этим, сквозь сон, доносится тот самый, уже знакомый, глубокий, грудной, влажный кашель. Он ворочался с боку на бок, кусая губы, не в силах уснуть, чувствуя, как холодный пот выступает на спине.

Позже, уже под самое утро, когда сознание начало сползать в черную, беспмятную яму, ему снова приснился сон. На этот раз он был не в шахте. Он стоял в каком-то старом, дореволюционном здании с низкими, бревенчатыми потолками и маленькими, закопченными окнами. Возможно, это была контора, а может, казарма или столовая. За грубым, некрашеным столом, под висячей керосиновой лампой, сидели двое мужчин в простой, засаленной рабочей одежде. Один – его дед, Петр, молодым, каким он был на фотографии, но лицо его было не суровым, а усталым до предела, с темными, как синяки, кругами под глазами. Второй – мужчина лет сорока, коренастый, широкоплечий, с грубыми,

словно вырубленными топором чертами лица, но с неожиданно спокойными и очень умными глазами цвета темного сланца. Они о чем-то тихо, не спеша, говорили, изредка прихлебывая чай из жестяных, помятых кружек. Потом второй мужчина, тот, незнакомый, вздохнул, поставил кружку, взял со стола шахтерскую лампу с проволочной сеткой – «шумовку» – и, кивнув что-то Петру, вышел за дверь в темный коридор. Дед, Петр, остался сидеть один, уставившись в пустоту перед собой, и на его лице была такая бездонная тоска и такая всепоглощающая вина, что Андрей во сне почувствовал физическую боль в груди, как от удара. Он хотел крикнуть: «Стой! Не ходи!» – но не мог издать ни звука, был парализован. А потом снаружи, из темноты ночи и шахты, донесся сначала далекий, глухой, как удар в землю, грохот. Потом – звенящая, леденящая тишина. И затем – тот самый, леденящий душу, влажный, раздирающий кашель, но уже не один, а множество голосов, сливающихся в жуткий, нечеловеческий хор, полный боли, ужаса и упрёка...

Он проснулся с тихим, зажатым в горле криком. Сердце колотилось, выпрыгивая из груди, тело было мокрым от холодного пота. В комнате стояла кромешная тьма, Володя похрапывал на своей кровати. Сон был настолько ясным, настолько осязаемо реальным, что Андрей несколько минут лежал не двигаясь, прислушиваясь к стуку крови в висках и пытаясь отделить остатки кошмара от реальности. Кто был этот второй мужчина? Тот самый газожог? Шубин? Тот, чье

имя стало легендой и чей призрак, по словам Володи, хозяйничал в подземелье? И что за вина была на лице деда?

Он встал, подошел к окну, отхлебнул воды из граненого стакана, стоявшего на подоконнике. На улице начинался рассвет. Серое небо на востоке светлело, окрашиваясь в грязно-перламутровые тона. Где-то там, за этими покосившимися домами, за этим умирающим поселком, лежали две шахты – «двойка» и «единичка». И под землей, в непроглядной, вечной темноте, хранилась Правда. Не абстрактная, а конкретная, личная, семейная. Правда, которая теперь приходила к нему не только в виде снов, но и в виде физического ощущения – тяги, как тяги магнита к железу.

Он знал, что не сможет просто делать свою работу, аккуратно обследовать указанный квадрат, игнорируя эту тягу. Запрет Виктора Павловича, суеверный, но искренний страх Володи, зловещие, обрастающие плотью легенды – все это только подогревало интерес, превращало его в одержимость. Но как подступиться? Как найти путь к «Глубокой-1», не нарушая приказов напрямую и не вызывая смертельных подозрений у своего единственного напарника?

Ответ пришел сам собой, холодный и логичный, когда он снова, уже при тусклом свете зари, взглянул на свою схему с пометками. «Старый соединительный ход (заброшен)». Он отходил как раз от главного штрека, недалеко от того самого целика, который им предстояло обследовать. Если ход не полностью завален... если за эти годы что-то просело, об-

разовав лаз... Если Володя в какой-то момент отвлечется... Он мог бы попробовать. Не сразу, конечно. Сначала нужно безупречно отработать программу-минимум, завоевать доверие Володи, освоиться в подземелье, понять его логику, его «настроение». А потом, при удобном случае, под благовидным предлогом – «ой, прибор показывает аномалию в стороне, надо на метр отойти проверить» – рискнуть. Сделать несколько шагов в темноту по тому старому ходу. Только посмотреть. Оценить проходимость. Хотя бы понять, есть ли вообще путь.

Это было чистейшей воды безумием. Нарушением всех мыслимых правил, игрой с судьбой. Но разве не безумием был его приезд сюда, в эту глухую донецкую глушь, с полусферическим прибором за миллион рублей? Разве не безумием было желание докопаться до семейной тайны, похороненной сорок лет назад под слоями официальных отчетов, молчания и народных сказок? Безумие, видимо, было его стихией.

Он сел за стол и при свете настольной лампы, щурясь от усталости, стал делать тонкие, почти невидимые пометки на своей личной, подробной копии схемы. Он отмечал путь от целика к развилке, где начинался тот самый ход. Прикидывал расстояния – шагами, метрами. Если идти от намеченного участка, то до развилки было не более двухсот двадцати – двухсот пятидесяти метров. Двести пятьдесят метров в неизвестность. В запретную зону. В царство Шубина.

Утром, когда они снова, теперь уже с полным комплектом снаряжения и громоздким, ненавистным кейсом «Грозы», ехали по той же ухабистой дороге к шахте, Андрей смотрел на приближающиеся в утреннем тумане руины копра с совершенно новым, сложным чувством. Теперь это была не просто точка на карте, не просто объект исследования. Это был портал. Портал в прошлое, в тайну, в мир, где правда и легенда, геология и миф, жизнь и смерть были переплетены так тесно, что их уже не распутать. И ему предстояло переступить через этот порог.

Володя, сидевший сзади и вполголоса проверявший показания газоанализатора, обернулся к нему:

– Ну что, ученый, как настроение? Не передумал? Не хочешь обратно в теплую Москву, к маме?

– Нет, – тихо, но с какой-то новой, стальной твердостью ответил Андрей, глядя в спину Виктору Павловича, который что-то диктовал водителю. – Не передумал.

Он не передумал. Он только добавил к своим официальным планам еще один, самый опасный, самый безумный и самый важный пункт. Он должен был найти путь к «Глубокой-1». К шахте, где погиб его дед. К месту, где, возможно, до сих пор бродил Добрый Шубин – хранитель подземных тайн, дух-мститель, призрак-спаситель. И он чувствовал кожей, что это путешествие, эта одиссея во тьму, изменит его навсегда. Сломает или закалит. Откроет истину или погубит. Если, конечно, он сумеет из него вернуться живым и... че-

ловеком.

Глава 5. Первый спуск

Ледяные капли конденсата, сорвавшись с ржавого обода вентиляционного ствола, упали Андрею за шиворот, заставив вздрогнуть и на мгновение полностью вернуться из мира цифр и графиков в мокрую, давящую реальность подземелья. Он сидел на складном табурете, который Володя предусмотрительно спустил вниз, уставившись в тускло светящийся зеленым экран блока управления «Грозы-М». Его пальцы, одетые в тонкие рабочие перчатки, уже заоченели от холода и влаги, но продолжали нажимать клавиши, внося поправки в настройки, пытаясь заставить хаос на экране обрести хоть какую-то внятную форму.

Холод здесь был особым, пронизывающим до костей, несмотря на теплую спецодежду. Это была не зимняя стужа, а сырая, вечная прохлада земли, которая никогда не видит солнца. Она впитывалась в тело медленно, коварно, и от нее не спасали движения. Воздух в круглой камере у основания «дудки» был спертый, насыщенным влагой и древними запахами: пахло плесенью, ржавым железом, тлением дерева и чем-то еще, сладковато-кислым, что Андрей не мог идентифицировать, но что резало ноздри. Шахтерская лампа, поставленная Володей на ящик с инструментами, отбрасывала резкие, прыгающие тени на стены, покрытые черным, маслянистым налетом. Эти тени казались живыми, они шевелились при малейшем движении воздуха, создавая иллюзию

движения в периферии зрения.

Их «базой» стала та самая круглая камера, где они приземлились вчера. Сегодня спуск прошел уже без вчерашней лихорадочной поспешности, буднично, почти технично. Володя, как опытный проводник, первым делом тщательно проверил газоанализатором воздух во всех трех расходящихся из камеры проходах. Он делал это методично, держа прибор на вытянутой руке, замирая и вглядываясь в показания. Цифрового дисплея не было, только стрелка, которая колебалась, но в итоге останавливалась в зеленом секторе.

– Метан в норме, кислород чуть понижен, но терпимо, углекислота повышена, – бормотал он себе под нос, как врач, ставящий диагноз. – Дышать можно, но долго тут без респираторов лучше не засиживаться. Легкие потом будут как тряпки. Работаем по часам. Через два – подъем, проветриться. И слушай свой организм. Заложило уши, голова закружилась, тошнить начало – сразу говори. Не геройствуй. Здесь герои лежат в могилах, а не в отчетах. Ясно?

Андрей кивнул, чувствуя комок в горле. Слова Володи были лишены пафоса, они звучали как инструкция по эксплуатации опасного механизма. И этот механизм – подземелье – был вокруг них, дышал, капал, скрипел. Сегодня его задачей было не беглое ознакомление, а планомерное, методичное обследование. Начать с самой камеры, затем пройти по каждому из штреков на определенное расстояние, делая контрольные замеры «Грозой». Нужно было составить пер-

вичную, пусть и грубую, карту подстилающих пород и, если повезет, наткнуться на следы нетронутого угольного пласта. План был строгим, научным, и Андрей цеплялся за него, как за спасательный круг в этом море иррациональных страхов.

«Гроза-М», извлеченная из своего кейса и собранная, стояла на треноге посреди камеры, похожая на нелепого механического паука, запустившего щупальца в невидимый мир. Антенный блок, похожий на плоский ящик, был направлен в пол. Все блоки были соединены толстыми, армированными кабелями в резиновой изоляции. Сам прибор казался чужеродным, слишком чистым и технологичным для этого грязного, древнего места. Володя, закончив свои приготовления, присел на корточки рядом, наблюдая с нескрываемым любопытством, смешанным с недоверием.

– Ну, чародей, показывай фокусы, – сказал он, но в голосе его не было насмешки, только деловое ожидание и легкая настороженность, будто он наблюдал не за научным экспериментом, а за шаманским камланием. – Говорят, эта штука видит насквозь. Как рентген. Правда?

– Принцип другой, – автоматически ответил Андрей, включая прибор. – Электромагнитные волны. Они отражаются от границ сред с разными свойствами.

– Границ... – протянул Володя, разглядывая потолок, с которого непрерывно капало. – Значит, она и нас с тобой видит? Наши кости?

– Видит. Как помеху. Но мы ее отфильтруем, – сказал Ан-

дрей, и его пальцы уже летали по клавишам, запуская калибровку.

Тихое гудение блоков, щелчки реле, едва слышный писк – привычные, успокаивающие звуки техники. В этой абсолютной, давящей тишине они звучали громко, почти вызывающе, нарушая многовековой покой подземелья. На экране поплыли строки инициализации на латинице, затем установилась основная рабочая сетка – ряд горизонтальных линий, обозначающих глубину. Андрей запустил сканирование в режиме вертикального зондирования. Экран ожил.

Первые секунды он показывал лишь хаотичный «снег», мерцающие точки и полосы – помехи от влажных соленых стен, от металлических обломков где-то поблизости, от самой нестабильной, электропроводящей среды. Это был ожидаемый шум. Андрей, стиснув зубы от внутреннего напряжения (первый настоящий тест в полевых условиях!), начал применять цифровые фильтры, настраивать чувствительность, убирать шумы по частотам. Он работал почти на ощупь, полагаясь на опыт, полученный за дни изучения инструкции и немногочисленных тренировок в институтском подвале. И постепенно, как проступающее на фотобумаге в проявителе изображение, из хаоса начали проступать очертания.

Сначала – четкая, яркая, почти белая линия на глубине примерно метра. Пол камеры, бетонная плита, лежащая на насыпном грунте. Хороший, четкий сигнал. Дальше –

слой хаоса: щебень, обломки, пустоты. Затем, глубже, картина стала упорядочиваться. Появились более плотные, однородные слои, отображавшиеся ровными, параллельными линиями разной интенсивности. Аргиллиты, алевролиты. Стандартная, предсказуемая «подложка» Донецкого бассейна. Андрей мысленно сверял картину с геологическими колонками из архивных отчетов. Все сходилось.

И вдруг, на глубине около восемнадцати метров – он замер. На экране возникла не просто линия, а широкая, мощная полоса интенсивного отражения. Она была ярко-белой в центре, с радужными ореолами по краям – признак резкого перепада диэлектрической проницаемости. Уголь. Бесспорно. И не тонкая прослойка, а массив. Пласт, судя по амплитуде сигнала и ширине полосы, не просто имеющийся, а очень мощный, плотный, скорее всего, антрацит высокой степени метаморфизма. Сердце Андрея учащенно забилося, в висках застучала кровь. Первый же серьезный замер, а уже такой результат! Это могло быть открытием, оправдывающим все риски и вложения. Он мысленно уже видел отчет, схему, восторг Виктора Павловича, благодарность профессора Седых... Он доказал, что «Гроза» работает, что его методы верны!

Но почти сразу же, будто ледяной водой, эйфорию сменяло нарастающее недоумение, переходящее в тревогу. Сигнал был... странным. Неестественным. Он не был стабильной, ровной, спокойной полосой, как на учебных стендах. Он

пульсировал. Словно дышал. Его интенсивность то нарастала, становясь почти ослепительной для «глаз» прибора, то спадала, растворяясь в фоне, чтобы через несколько секунд вспыхнуть снова. Пульсация была медленной, тяжелой, как удары огромного сердца. Но и это было не все. Границы пласта были нечеткими, размытыми, «расплывчатыми». Иногда казалось, что пласт раздваивается, образуя призрачный, чуть смещенный двойник на пару метров выше или ниже основного массива. Иногда весь массив как бы «сместался» в сторону на величину, немыслимую с точки зрения геологии – на метр-полтора за несколько секунд. Это было физически невозможно. Порода не могла двигаться с такой скоростью.

– Ну что? Видно что-нибудь? – спросил Володя, вглядываясь в экран, хотя, очевидно, ничего не понимал в этих зигзагах, столбцах цифр и цветных полосах.

– Видно, – ответил Андрей, и его собственный голос прозвучал отрешенно, глухо, будто доносясь издалека. – Уголь. Мощный пласт. Но... данные какие-то нестабильные. Очень нестабильные.

– Может, аппарат барахлит? – предположил Володя, ткнув пальцем в сторону блока управления. – С дороги трясло, да и сырость тут знатная. Конденсат везде. Могло чего наколотить.

– Возможно, – согласился Андрей, хотя внутренне уже сомневался. Прибор проходил жесточайшие испытания на вибростендах, был герметизирован, защищен от влаги по

высшему классу. Инженер на заводе хвастался, что его можно утопить в болте на полчаса. – Но нужно сделать еще несколько замеров, сравнить. Может, это локальная аномалия.

Он изменил настройки, перевел «Грозу» в режим построения профиля – теперь прибор должен был не просто «смотреть» вниз, а сканировать полосу земли под линией движения. Теперь нужно было двигать антенный блок вдоль заранее намеченной линии, чтобы получить не просто «срез», а картину в плоскости, увидеть протяженность и структуру пласта. Он встал, размял затекшие ноги, взял треногу.

– Поможешь? Нужно пройти метров двадцать вот по этому штреку, – он кивнул в сторону самого широкого прохода, того, что, по словам Володи, вел к основному, заваленному стволу. – Буду вести непрерывную запись. Ты носи фонарь и смотри под ноги. И... придержи кабель, чтоб не зацепился.

Володя взял мощную шахтерскую лампу-«летучую мышь» с широким лучом, и они двинулись в темноту, оставив в круглой камере дежурную лампу, как маяк для возвращения. Штрек был относительно высоким, позволяя идти, лишь слегка пригнув голову. Крепи здесь были уже не деревянные, а бетонные, но время, влага и горное давление сделали свое дело: стены покрылись толстыми, причудливыми наплывами солей, похожими на сталактиты и мозговые извилины. Кое-где зияли трещины, из которых сочилась темная,

маслянистая влага, пахнувшая серой и железом. Под ногами хлюпала жижа, перемешанная с угольной крошкой, глиной и какими-то органическими остатками. Воздух густел, становился вязким, запах сероводорода – тухлых яиц – становился ощутимее, щекотал горло.

Андрей двигался медленно, стараясь не трясти установку, его взгляд был прикован к экрану блока управления, который он нес в другой руке. На нем в реальном времени, строка за строкой, рисовалась картина подземного мира. Слои пород проходили ровными, почти параллельными линиями, иногда прерываясь сбросами или разломами. И снова, на той же глубине, возникала та самая пульсирующая полоса угольного пласта. Но теперь, в движении, аномалия проявилась еще отчетливее, многограннее. Пласт не был сплошным и однородным. В нем были «окна» – зоны, где сигнал почти пропадал, словно уголь там превращался в пустоту или в нечто, не отражающее волны. Другие участки, напротив, светились с утроенной, неистовой силой, зашкаливая. А в одном месте, примерно на середине пройденного пути, прибор зафиксировал нечто совершенно необычное: вертикальный «столб» повышенной проводимости, уходящий из тела пласта вниз, в более глубокие, нечитаемые слои. Этот столб тоже пульсировал, причем синхронно с основным массивом, как будто был его корнем, его связью с чем-то еще более глубоким и темным.

– Стоп, – скомандовал Андрей, остановившись. Его голос

прозвучал хрипло. Он установил треногу, поставил антенну точно на место и запустил еще один, точечный, детальный замер. Цифры на экране прыгали, не желая фиксироваться. Средняя мощность пласта – сначала 15 метров. Через секунду алгоритм пересчитал – 8. Еще через мгновение, после применения другого фильтра – 22. Температура породы, которую «Гроза» измеряла попутно по косвенным данным (электропроводность сильно зависела от температуры), тоже вела себя неадекватно: показывала то стабильные $+5^{\circ}\text{C}$, что было нормально для этой глубины, то резкий, немыслимый скачок до $+12^{\circ}$, что в неподвижной, изолированной толще породы было почти невозможно без внешнего источника тепла.

– Что-то не так? – спросил Володя, светя фонарем ему под ноги, чтобы тот не оступился в невидимую яму. Его голос в узком, сыром штреке звучал приглушенно, обернутый со всех сторон тишиной, которая, казалось, впитывала звук, как губка.

– Помехи, – сквозь зубы процедил Андрей, больше убеждая самого себя, чем отвечая напарнику. – Сильные, сложные помехи. Возможно, от старых силовых кабелей, от металлических конструкций где-то рядом, от рельсов... Или... от воды. Высокоминерализованная вода – отличный проводник. Может создавать эффект экранирования, рассеивания, отражения...

Он лихорадочно вспоминал лекции по геофизике, раздел

о помехах. Да, высокое содержание воды, солей, металлических включений – все это могло превратить четкую картину в кашу. Но чтобы так сильно, так... избирательно? Чтобы помеха была структурированной, пульсирующей, словно живой? Нет, это не было похоже на простую помеху. Это было похоже на то, что сам прибор сошел с ума или столкнулся с чем-то, для чего не был предназначен. Но этой мысли Андрей не позволил себе сформироваться. Он отогнал ее, как назойливую муху.

– Давай еще немного, – сказал он, снова взяв треногу. Голос его прозвучал тверже. Нужно было получить больше данных, больше точек. Потом, на поверхности, в тиши кабинета, за мощным процессором институтского компьютера, он все проанализирует, найдет закономерность, выделит полезный сигнал из этого шума. Он должен. Он не мог допустить провала.

Они прошли еще метров десять. Штрек начал заметно сужаться, потолок опустился, и теперь идти приходилось, согнувшись в три погибели. Крепи здесь были уже аварийными – кое-где торчали кривые деревянные балки, вдавленные в породу, кое-где зияли дыры, заваленные обломками. Впереди, в свете фонаря Володи, показалась груда крупных обломков бетона и породы – начало того самого завала, что перекрывал путь к основному стволу. Дальше идти было некуда. Андрей решил, что на этом стоит закончить профиль. Он сделал последний, контрольный замер, установив прибор

буквально в полуметре от груды камней.

И в этот момент «Гроза-М» выдала нечто совершенно необъяснимое, то, что перечеркивало все его попытки рационализировать происходящее.

На экране, поверх уже привычной пульсирующей полосы угля, проступил другой сигнал. Слабый, прерывистый, мерцающий, но совершенно иной природы. Он не был похож на геологическую границу – резкую линию. Он напоминал... рябь на воде. Мелкую, частую рябь, наложенную на мощную волну. Эти колебания исходили, судя по всему, не из глубины, а как будто из самой среды вокруг них, из воздуха, из стен. И что самое странное – эти колебания имели явную, отчетливую периодичность. Не случайную, не хаотичную. Почти ритмичную. Словно огромное, невероятно медленное сердце билось где-то в толще породы, в самом массиве шахтного поля, и его удары, передаваемые через камень, отдавались слабыми, но четкими эхо в сверхчувствительной электронной начинке прибора. Ритм был сложным: три быстрых пульсации, длинная пауза, два медленных удара... И этот паттерн повторялся.

Андрей замер, уставившись на экран, не веря своим глазам. Это было невозможно. Такого не могло быть. Геологические структуры не пульсируют. Они статичны. Движение тектонических плит измеряется сантиметрами в год, а не ударами в минуту. Это должен был быть артефакт. Наводка от чего-то своего же: от нестабильного блока питания,

от несбалансированной антенны, от наводок по кабелю. Он потряхнул прибор, потом блок управления. Сигнал не исчез, лишь слегка исказился, как будто его потревожили. Он выключил и снова включил прибор. При запуске, в первые секунды, когда шел опрос датчиков, ритмичная рябь отсутствовала. Но как только начиналось глубокое сканирование, она появлялась вновь, нарастая, как фоновая музыка.

– Что там? – Володя наклонился ближе, пытаясь разглядеть в мерцающих линиях хоть что-то понятное. Его дыхание было слышно рядом.

– Ничего. Наводки. Глюк, – резко, почти зло сказал Андрей и нажал кнопку выключения. Зеленый свет экрана погас, оставив их в освещенном фонарем узком круге света среди абсолютной, плотной, живой темноты. Тишина, до этого заглушаемая жужжанием прибора и писканиями, обрушилась на них, густая, тяжелая, как войлок. И в этой внезапной, оглушительной тишине они оба услышали это.

Тихий, едва уловимый, но абсолютно отчетливый скрип. Не резкий скрежет металла, не сухой треск камня. Деревя. Старого, набухшего от вековой влаги дерева, которое медленно, с усилием гнется под тяжестью. Скрип доносился откуда-то сбоку, из темноты за пределами луча фонаря, из одного из бесчисленных боковых ответвлений, черные пасти которых зияли по пути. Скрип, потом пауза. Через несколько секунд – еще один скрип, уже чуть ближе, как будто шаг.

Тяжелый, неторопливый шаг.

Володя медленно, очень медленно, чтобы не создать шума, поднял фонарь и направил узкий, яркий луч в ту сторону, откуда доносился звук. Свет, словно белый меч, разрезал темноту, скользнул по мокрой, потрескавшейся, покрытой солевыми натеками бетонной стене, выхватил из небытия груды прогнивших, почерневших шпал, сваленных в углу штрека, как дрова. Ничего не двигалось. Никакой фигуры. Но скрип повторился. Теперь уже прямо за этой грудой шпал, будто что-то большое переместилось вплотную к ней, с другой стороны.

– Пора валить, – тихо, но очень четко, без тени паники, сказал Володя. В его голосе не было страха, была холодная, профессиональная констатация факта, как при обнаружении стремительно ползущей вверх стрелки метанометра. – Собирай свою штуку. Медленно. Спокойно. Не делай резких движений. И не смотри туда. Просто делай свое дело.

Андрей, с сердцем, колотившимся где-то в горле и отдававшимся глухими ударами в висках, кивнул. Его пальцы, внезапно ставшие ватными и непослушными, начали расстегивать крепления, отсоединять кабели, складывать треногу. Все действия, отточенные до автоматизма, теперь давались с трудом. Он украдкой, краем глаза, бросил взгляд в ту сторону, откуда доносился скрип. В глубине, за грудой шпал, в свете фонаря Володи, он разглядел узкий, низкий, почти круглый лаз, уходящий куда-то вбок, в полную тьму. Лаз был

явно искусственным, вероятно, старая откаточная выработка или аварийный ход. Из того лаза, казалось, тянуло особым холодком – не просто сыростью, а леденящим, могильным холодом, и запах оттуда шел другой: прелый, густой, с примесью чего-то звериного, мускусного.

– Я сказал, не смотри, – шикнул Володя, не оборачиваясь, но, видимо, почувствовав движение его глаз. – Собирайся.

Скрипы прекратились. Но ощущение присутствия не исчезло, а, наоборот, усилилось. Оно нависло в сыром воздухе, стало плотным, осязаемым, внимательным. Будто кто-то невидимый, огромный, встал в двух шагах от них, в самой темноте, и наблюдал за их суетой, оценивая, изучая. Андрей поймал себя на животном, первобытном страхе – ему не хотелось поворачиваться к тому месту спиной. Каждая клетка тела кричала, что опасность – там, в черном отверстии лаза, и что стоит отвести взгляд, как из этой тьмы что-то стремительно ринется на них.

Наконец, он упаковал последний блок в алюминиевый кейс, щелкнул замки. Звук был оглушительно громким в тишине. Володя, не дожидаясь, уже двинулся обратно по штреку, освещая путь, но теперь он держал фонарь не только перед собой, но и немного сзади, как бы прикрывая их тыл. Андрей пошел за ним, волоча кейс (оказавшийся неимоверно тяжелым) и чувствуя, как между лопаток горит незримый, тяжелый взгляд. Они шли быстро, почти бежали вприсядку, спотыкаясь о неровности пола, о забытые инструмен-

ты, но не оборачиваясь. Только когда они выскочили в круглую, освещенную дежурной лампой камеру у «дудки», Андрей позволил себе перевести дух. Его легкие горели, в ушах звенело.

Володя сразу же, машинально, схватил газоанализатор, сделал контрольный замер у выхода из штрека. Все показатели были в норме. Он посмотрел на Андрея, и в его глазах, обычно таких живых и открытых, читалась глубокая усталость и тот самый немой вопрос: «Ну что? Убедился? Достаточно?»

Андрей молча кивнул, опускаясь на табурет. Он был потрясен, но не столько скрипами и страхом (хотя и они давили), сколько данными «Грозы». Эти ритмичные, структурированные низкочастотные колебания... Это не вписывалось ни в какие рамки известной ему науки. Это был не просто сбой. Это был вызов. Вызов всему, во что он верил. Но принять этот вызов значило сойти с твердой почвы фактов в зыбкое болто суеверий и мифов. Он не мог этого допустить. Не сейчас. Не после всего пути, что он проделал.

– Здесь что-то сильно мешает работе прибора, – сказал он вслух, голос его звучал хрипло, но он пытался вложить в него уверенность. – Мощные, комплексные помехи. Металл, вода, возможно, какие-то остаточные магнитные поля от старого оборудования... Нужно будет составить детальную карту этих помех, чтобы потом программно вычестить их из полезного сигнала. Иначе мы никогда не получим четкую кар-

тину.

Володя лишь пожал плечами, как бы говоря: «Ну, раз ты так говоришь...». Но в его взгляде читалось понимание, что Андрей пытается убедить в первую очередь самого себя. Он начал готовить снаряжение к подъему, проверяя веревки, карабины.

— Ладно, на сегодня хватит. Два часа как раз вышли. Поднимаемся. Завтра, может, в другой штрек заглянем. В вентиляционную галерею, которую я вчера упоминал. Там посуше, воздух лучше гуляет. Может, твоей железяке там будет спокойнее работать. А сегодня... сегодня просто не наш день.

Подъем на поверхность по мокрой, скользкой веревке показался Андрею не просто физическим усилием, а настоящим освобождением, возвращением из ада в чистилище. Когда он, наконец, вылез из черной, зияющей пасти «дудки» и вдохнул полной, разрывающей легкие грудью холодный, пропитанный запахом осеннего дождя, прелой листвы и далекого дыма воздух, он почувствовал, как с плеч спадает невидимая, давящая тяжесть. Солнца не было, небо было затянуто сплошной, низкой серой пеленой, моросил мелкий, холодный дождь. Но после подземного, вечного мрака даже этот унылый, серый свет казался ослепительным, благословенным. Он стоял, опираясь на колени, и тяжело дышал, позволяя каплям дождя стекать по лицу, смывая липкую уголь-

ную пыль и пот.

Они молча, не глядя друг на друга, погрузили снаряжение и кейс в уазик и поехали в контору. Володя был сосредоточен на дороге, объезжая глубокие лужи и колеи, его лицо было серьезным, замкнутым. Андрей смотрел в запотевшее боковое стекло, но не видел мелькающих зарослей и покосившихся заборов. Внутри него бушевала буря. Два потока информации, два мира сталкивались в его сознании с силой тектонических плит.

Первый поток – научный, аналитический, строгий. Нестабильный сигнал, артефакты, вероятные источники помех: техногенные (кабели, рельсы, оборудование), гидрогеологические (подвижные грунтовые воды, высокоминерализованные растворы), физические (магнитные аномалии, возможно, залежи магнитного железняка). Методика их устранения: повторные замеры в контрольных точках, составление карты помех, применение более сложных алгоритмов обработки, вплоть до спектрального анализа и когерентного накопления сигнала. Перспективный угольный пласт – факт. Его нужно «очистить» от шума. Задача сложная, но решаемая. Он – ученый. Он должен решить ее.

Второй поток – иррациональный, чувственный, темный. Скрипы в абсолютной темноте, которые слышали двое. Давящая, «неживая» тишина, обрывающаяся в самый неподходящий момент. Ощущение не просто присутствия, а пристального, оценивающего наблюдения. Рассказы Володи, ис-

тория Ивана Семеновича, зловещий, безжизненный террикон «единицы»... И где-то на стыке этих потоков, как мост между мирами, маячили те самые ритмичные, низкочастотные колебания на экране «Грозы». Они не укладывались ни в одну научную категорию, но и просто отмахнуться от них, как от галлюцинаций, уже не получалось. Прибор зафиксировал их. Прибор, в работоспособности которого он не сомневался.

В кабинете Виктора Павловича он отчитался скупой, поделовому, выжав из себя всю свою волю, чтобы голос не дрожал.

– Первичное обследование штрека к основному стволу проведено. Прибор работает в штатном режиме, но в условиях старых выработок наблюдаются сильные, комплексные помехи, вероятно, электромагнитной природы и связанные с высокой влажностью и минерализацией вод. Тем не менее, предварительно зафиксирован признак мощного угольного пласта на глубине около восемнадцати метров. Требуется дополнительная, более тщательная и детальная съемка для уточнения контуров, мощности и условий залегания.

Виктор Павлович, просматривая распечатанные на скрипучем матричном принтере графики (бледные, с полосами, но все же различимые), хмурился все сильнее. Он водил пальцем по кривым, сверялся с легендой, качал головой.

– Помехи... «Плывущий» сигнал... «Признаки»... – он откинулся на спинку кресла, снял очки и протер переносицу. – Все это очень, очень расплывчато, молодой человек. Мне, тресту, министерству нужны не расплывчатые признаки, а четкие координаты, цифры, подсчет запасов. Вы же не духовидец и не гадалка, а инженер-геофизик. Ваша задача – разобраться с этими помехами. Найти их физический источник. Измерить. Охарактеризовать. Или же доказать, что это не помехи, а реальные, пусть и сложные, геологические неоднородности. Но для этого нужны факты. А у вас пока одни вопросы.

– Я понимаю, – сказал Андрей, чувствуя, как под тяжелым, недоверчивым взглядом начальника его уверенность, и без того шаткая, тает, как весенний снег. – Я планирую серию контрольных замеров. В разных точках. С разными настройками. Нужно набрать статистику.

– Стараниями сыт не будешь, Гордеев. Нужен результат. Конкретный. На вас, на этот дорогуший прибор, здесь большие надежды. Бюджет партии не резиновый. Не подведите. – Виктор Павлович положил очки на стол и посмотрел на него прямо. – Завтра продолжайте работу. Но я дам вам не только Володю. С вами пойдет наш электрик, Сергей Петрович. Старый волк, знает местные сети, даже старые. Пусть пройдет с детектором, проверит, нет ли поблизости заброшенных кабелей под каким-нибудь остаточным напряжением, или трансформаторных будок, или чего еще. Может, от

них все ваши «пульсации» и «ритмы». Разберетесь на месте.

Андрей кивнул. Электрик. Логично. Рациональное объяснение. Оно было таким удобным, таким желанным. Старый кабель, на котором из-за влаги возникла паразитная индуктивность, наводящая помехи на чувствительную аппаратуру. Да. Это должно было быть так.

Вечером, в своей комнате, где пахло пылью, старыми книгами и табаком Володи (тот уже отбыл «к ребятам»), Андрей снова уставился в экран портативного компьютера «Электроника МС-1502» – редчайшей по тем временам вещи, выданной ему под расписку как особо ценное оборудование. Он перенес в него данные с «Грозы» через специальный интерфейсный кабель. На монохромном, зеленоватом экране он строил графики, применял различные цифровые фильтры, пытался математически выделить полезный сигнал, подавить шум. Угольный пласт проступал снова и снова, упрямо, но его «дыхание», эти пульсации, никуда не девались. Они были вшиты в сам сигнал, как барабанная дробь в мелодию.

И тогда он запустил программу спектрального анализа. Компьютер несколько минут напряженно жужжал, обрабатывая массив чисел, и, наконец, вывел на экран спектрограмму – график распределения энергии сигнала по частотам. Картина, которую он увидел, заставила его кровь похолодеть в жилах.

Помимо ожидаемых пиков на низких и средних частотах,

связанных с отражением от геологических границ, в спектре явно, как черная горная гряда, высилась низкочастотная составляющая. Очень низкая. Глухая, мощная, фундаментальная волна, лежащая на грани слышимости для прибора, почти инфразвуковая. Она не была постоянной, ровной линией. Она модулировалась, меняла амплитуду сложным образом. И когда Андрей увеличил масштаб, рассмотрел эту модуляцию подробнее, его охватил леденящий ужас. Изменения амплитуды... они не были случайными. Они образовывали последовательность. Медленную, растянутую, но... повторяющуюся. Как будто он записал не хаотичный шум породы, а... чей-то голос. Голос, говорящий на неизвестном, чудовищно медленном, растянутом во времени языке, где один «слог» длился минуты. Он не мог разобрать слов, не мог даже понять, была ли это речь в человеческом понимании. Но паттерн был. Осмысленный. Намеренный.

Андрей откинулся на стуле, закрыл глаза и с силой потер виски. У него начинала раскалываться голова от умственного напряжения и от этой неразрешимой, пугающей загадки. Он сидел на острие. С одной стороны – жесткий, требовательный, прагматичный мир Виктора Павловича и всей официальной науки, мир, который требовал четких цифр, контуров пласта, экономической эффективности. Мир, в котором не было места «голосам из-под земли». С другой стороны – этот непонятный, пугающий, живой мир подземелья «Глубокой-2», который наотрез отказывался раскрываться перед

его сверхчувствительным прибором, словно дразня его, показывая то богатство, то фантомы, то свои странные, низкочастотные «шепоты», то пугая скрипами из темноты. И он, Андрей Гордеев, оказался мостом между этими мирами. И мост этот трещал по швам.

Он взглянул на фотографию деда, приколотую к стене над столом. Петр Гордеев смотрел на него с той же суровой простотой, но теперь в его глазах Андрею читалась не просто усталость, а глубокая, беспросветная, тысячелетняя скорбь. Скорбь человека, видевшего нечто, что сломало его, о чем нельзя рассказать, что нельзя забыть. «Что это было, дед? — мысленно, отчаянно спросил он. — Что ты видел там, в этой шахте? Ты знал это... это присутствие? Чувствовал эти ритмы? Это ли свело тебя в могилу?»

Фотография молчала, как и всегда. Но теперь ее молчание было красноречивее любых слов. Оно было таким же тяжелым и давящим, как тишина в штреке перед скрипом. Оно подтверждало самое страшное: он не выдумывал. Он столкнулся с чем-то реальным. С чем-то, что было здесь давно. Возможно, еще до шахты. Возможно, всегда.

Завтра снова вниз. С электриком Сергеем Петровичем. Будет искать источник «помех». Может, правда, найдут старый, оборванный кабель, трансформаторную будку, залитую водой, от которой идет наводка. И тогда все встанет на свои места. Рациональное, простое, ясное объяснение победит. Он сможет вздохнуть с облегчением, продолжить работу, вы-

дать результат, прославиться, забыть этот бред про духов и голоса.

Но в глубине души, там, где уже поселился и пустил корни холодный, липкий ужас от скрипов в темноте и от вида пульсирующей, «разговаривающей» спектрограммы на экране, он сомневался. Сомневался сильно. И боялся. Боялся не столько за свою физическую безопасность, сколько за свой рассудок, за свою картину мира, которая давала ему опору с детства. Она трещала, и сквозь трещины проглядывало нечто древнее, темное и бесконечно чужое.

Перед сном, при свете настольной лампы с зеленым абажуром, он открыл свой походный блокнот в твердой черной обложке и, стараясь писать четко, чтобы потом не стыдно было читать, вывел:

«День 2. Детальное обследование штрека к основному стволу шахты «Глубокая-2».

Результаты:

Прибором «Гроза-М» зафиксирован мощный сигнал, интерпретируемый как угольный пласт на глубине ~18 м. Предварительная оценка мощности – от 8 до 22 м (сигнал нестабилен).

Сигнал пласта аномален: наблюдается нестабильность, «пульсация» интенсивности, размытость границ, эффект «смещения». Не характерно для статичных геологических

тел.

При детальном анализе записанных данных выявлены низкочастотные колебания (близкие к инфразвуковому диапазону), модулированные сложным, повторяющимся паттерном. Природа колебаний неясна. Они не соответствуют известным геофизическим источникам (тектоническая активность, микросейсмы, техногенные шумы).

Во время работы в штреке на отметке ~30 м от базовой камеры зафиксированы субъективные акустические аномалии: серия скрипов, аналогичных звукам шагов по старому дереву. Источник не визуализирован. Напарник (Володя) подтверждает.

Субъективное ощущение присутствия, наблюдения. Сильное, продолжительное. Также подтверждено напарником.

Возможные объяснения аномалий:

Техногенные помехи: старые кабельные линии, оборудование под остаточным напряжением (завтра – проверка с электриком).

Гидрогеологические факторы: движение высокоминерализованных грунтовых вод, создающее переменные электромагнитные поля.

Психологический фактор: воздействие замкнутого пространства, недостатка кислорода, повышенного CO₂, стресса. Требуется контроля.

???

Выводы:

Условия для геофизических работ крайне сложные. Высокий уровень природного и, возможно, техногенного шума.

Необходим строгий, методичный подход: сеть контрольных замеров, составление карты помех, спектральный анализ в каждой точке.

Требуется повышенная осторожность и внимание к технике безопасности, включая контроль психофизиологического состояния.

Вопрос: Являются ли зафиксированные низкочастотные паттерны и субъективные ощущения частью одного комплекса явлений? Если да, то какова их природа?»

Он поставил многоточие и ниже нарисовал большой знак вопроса, обведя его несколько раз жирной, нажимной линией. Потом, уже почти машинально, на полях набросал схематичный рисунок: круг (камера), линия (штрек), и в конце штреха, у груды шпал, фигурку с вопросительным знаком. И от этой фигурки расходящиеся волны.

Этот вопрос, тяжелый и неразрешимый, висел в спертom воздухе комнаты, смешиваясь с запахами старого дерева, пыли и его собственного страха. Вопрос, на который у всей современной ему науки, кажется, не было не только ответа, но и правильных слов, чтобы его задать. Он лег спать с ощущением, что стоит на краю пропасти. И завтра ему предстоит сделать шаг. Либо он найдет кабель и облегченно выдохнет. Либо... либо пропасть посмотрит на него в ответ.

Глава 6. Архив

Здание поселкового Совета и одновременно конторы шахтоуправления представляло собой длинный, низкий барак из силикатного кирпича, некогда побеленного, а теперь покрытого серой слоистой коркой угольной пыли и высевок. Оно стояло в стороне от главной, пыльной улицы, упираясь торцом в откос террикона, который нависал над плоской крышей, словно коричнево-черная пирамида Хеопса для нищих, готовящаяся медленно, по сантиметру в столетие, поглотить это свидетельство бумажной бюрократии. Узкие, словно бойницы, окна были мутными, заляпанными изнутри и снаружи непроглядной грязью, сквозь которую едва пробивался тусклый свет. Дождь когда-то нарисовал на стенах причудливые темные подтеки, похожие на карту неведомых рек. Андрей толкнул тяжелую деревянную дверь, обитую рваным, потрескавшимся дерматином цвета запекшейся крови, и вошел внутрь, из яркого, пахнущего гарью и пылью мира – в полумрак, пахнущий временем.

Воздух здесь был иным, законсервированным: не свежий, с примесью гари и степного ветра, а спертый, густой, пропитанный сложным букетом запахов. Пачка старых газет, дешевый табак «Прима», пыль, въевшаяся в дерево полок за полвека, пахнущий железом и гнильцой клей для обоев, которыми когда-то в попытке облагородить заклеили стены в узком, как шахтный штрек, коридоре. Где-то далеко, за множеством закрытых дверей с потрескавшимися табличками «Бухгал-

терия», «Отдел кадров», «Партком», стучала пишущая машинка «Ундервуд» – отрывисто, нервно, с металлическим лязгом каретки в конце строки, словно огромный, одичавший кузнечик-переросток отбивал морзянку. Андрей снял кепку, отряхнул с плеч невидимую, но осязаемую пыль, смешанную с мелкой угольной крошкой, и заглянул в первую же открытую дверь. За столом, буквально заваленным папками, стопками бланков и журналов, сидела немолодая женщина в коричневом потертом кардигане поверх синей блузки и в очках в тяжелой роговой оправе на тонкой серебряной цепочке. Она с невероятной, почти хирургической точностью что-то выписывала в огромную, в толстом переплете книгу, похожую на инвентарную опись музейных ценностей. Перо ее скрипело по плотной бумаге.

– Извините, – начал Андрей, слегка кашлянув, чтобы про-
чистить горло от уличной пыли. – Подскажите, пожалуйста. Мне нужно найти архивные планы горных выработок. По шахте «Глубокая-2». И, если возможно, соседней, «Глубокой-1».

Женщина подняла на него усталые, выцветшие от постоянного чтения глаза, не прерывая письма. Ее движения были автоматическими, отработанными до мелочей.

– Архив? – переспросила она глуховатым голосом. – Это к Марии Николаевне. В конец коридора, последняя дверь слева. Только она, наверное, уже ушла. Обедает. Она у нас по

часам, как швейцарские.

Андрей поблагодарил кивком и пошел по коридору, поскрипывая неровными, прогибающимися половицами, крашенными когда-то коричневой краской. Из-за дверей доносились обрывки разговоров, сдержанное бормотание, звонки телефонов с дисковым номеронабирателем – характерное, цикличное урчание. Воздух становился все тяжелее, гуще. Он дошел до конца, до двери без таблички, лишь с выщербленным, пожелтевшим кусочком картона, вставленным в жестяной держатель. На картоне когда-то было выведено черными, теперь выцветшими до ржаво-коричневого чернилами: «Архив. Ответств. М.Н. Кравченко». Он постучал костяшками пальцев, звук получился глухой, вязкий, будто дверь вела не в комнату, а в насыпной погреб.

Сначала – тишина. Абсолютная, звенящая. Потом – едва различимый шорох, похожий на шелест перелистываемых страниц. Мягкие, шаркающие шаги. Тихий, но отчетливый щелчок шпингалета, который, видимо, запирает дверь изнутри. Дверь отворилась нешироко, ровно настолько, чтобы в проеме могла возникнуть фигура, но не настолько, чтобы впустить свет из коридора. И она возникла.

Это была очень пожилая женщина, маленькая, сгорбленная, словно под невидимой, но неподъемной тяжестью бесчисленных протоколов и отчетов. Лицо – морщинистое, бледное, почти восковое, с тонкими, поджатыми губами. Но глаза... глаза были не по годам живыми, яркими, темно-ка-

рими, как два кусочка полированного янтаря, в которых застыл какой-то внутренний, негнущийся свет. Они сразу, с первого взгляда, не просто увидели Андрея, а изучающе, почти физически ощупали его, задержались на лице, на глазах, на неуверенной позе. На ней было темное, в мелкий выцветший цветочек, платье, а на тонких плечах, несмотря на духоту в помещении, лежал пуховый платок серого цвета. Казалось, холод, исходивший от старых бумаг, вьелся в нее насквозь.

– Вам чего? – голос у нее был тихий, хрипловатый, будто простуженный, но в нем чувствовалась стальная твердость, привычка к тишине и порядку.

– Здравствуйте. Меня Андрей Гордеев зовут. Я из московской геологоразведочной партии, – представился Андрей, стараясь говорить так же тихо, почти шепотом, инстинктивно подстраиваясь под атмосферу. – Мне нужны старые планы горных выработок. По «Глубокой». В основном по второй, но если есть что-то по первой – было бы очень полезно.

Женщина, Мария Николаевна, медленно кивнула, не отводя изучающего, пристального взгляда. Ее взгляд скользнул по его новенькой, еще не побывавшей в серьезных делах кожанке, по аккуратной сумке через плечо, в которой угадывались какие-то инструменты.

– Заходите. Только тише. Бумага не любит суеты, сквозняков и громких голосов. Она хрупкая. От крика может рассыпаться в труху.

Она отступила, пропуская его внутрь, и сразу же закрыла дверь, повернув шпингалет. Комната была крошечной, похожей на монашескую келью или камеру-хранилище. Она была заставлена по стенам до самого низкого, закопченного потолка тяжелыми, темными, дубовыми шкафами с застекленными, но давно не мытыми дверцами. В шкафах, за стеклом, тусклым от времени и пыли, рядами, как солдаты на параде, стояли папки разной толщины и возраста, толстые книги в кожаных и полукожаных переплетах с тисненными надписями на корешках, рулоны кальки и ватмана, перевязанные бечевкой. Воздух здесь был особым – холодным, сухим, с отчетливым, доминирующим запахом старой бумаги, сладковатым запахом плесени, едким духом нафталина и еще чем-то неуловимым, похожим на запах сухих трав, – возможно, это была полынь, которую клали от моли. На единственном столе под маленьким, почти игрушечным окном, затянутым паутиной, в которую влипло несколько мух-долгоножек, лежали развернутые чертежи, прижатые по углам чугунными пресс-папьями в виде львов с гривами. На пожелтевшей кальке были видны извилистые, тонкие линии штреков и ортов, пометки, сделанные от руки фиолетовыми чернилами: «сбойка», «забой», «выемка», «лава 12». Рядом со столом стояло старое венское кресло с протертой до дыр темно-зеленой обивкой и деревянными подлокотниками, отполированными временем и прикосновениями рук до блеска.

– Садитесь, – Мария Николаевна указала на простой та-

бурет у стола, а сама, с тихим стоном, опустилась в кресло, будто ее кости сами искали это привычное, выточенное годами положение. – Гордеев, говорите? Фамилия... нечаятая у нас. Не местная.

– Да, – Андрей сел, положил кепку на колени, почувствовав себя школьником на экзамене. – Мне нужны самые подробные планы, какие есть. И, желательно, геологические разрезы, если они сохранились. Нам нужно провести ревизию запасов, уточнить контуры старых выработок.

Старушка медленно, с некоторым усилием поднялась, словно преодолевая силу тяжести, подошла к одному из шкафов, достала из складок платья маленький ключ на связке с двумя другими такими же, висевшей у пояса на тонком шнурке. Ключ щелкнул в замке с сухим, громким звуком. Стеклопанная дверца, двигаясь по пазам, издала протяжный, скрипучий вой, от которого по спине у Андрея пробежали мурашки. Она заглянула внутрь, ее пальцы, тонкие и костлявые, но удивительно ловкие, пробежали по корешкам папок.

– «Глубокая-2»... – пробормотала она про себя. – Это с пятьдесят второго по шестьдесят первый год велась, до полной отработки. Планы горных работ есть. Ежегодные, помесачные даже. Но они, предупреждаю, – она бросила на него острый, испытующий взгляд через плечо, – часто расходились с действительностью. Иногда – сильно. Маркшейдеры тогда... гнались за планом, за цифрами. Чертили так, как от них требовало начальство, а не так, как было под землей.

Потом, конечно, поправляли, но не всегда. Вот.

Она достала несколько рулонов, пыльных, перевязанных бечевкой, аккуратно положила на свободный край стола рядом с Андреем. Бумага была плотной, шершавой, края рулонов потрепались.

– Спасибо, – сказал Андрей и, сделав паузу, добавил, стараясь звучать как можно более нейтрально, деловито: – А по «Глубокой-1»? Что-нибудь осталось?

Мария Николаевна замерла. Ее спина, видная Андрею, напряглась, стала прямой и жесткой, как доска. Мгновение она просто стояла, уставившись в глубь шкафа, будто читая там невидимую надпись.

– «Глубокая-1»... – повторила она, и в ее голосе появились новые, сложные обертона – настороженность, усталость, что-то вроде легкой досады. – Она была закрыта до войны. Еще в тридцать пятом. Материалов... мало. Почти ничего не сохранилось. Война тут прошла, знаете ли, не щадя. Да и потом, в пятидесятые, когда строили вторую, многое из старого архива... утилизировали. Списками бревен и рельсов не интересовались.

– Но что-то же должно быть? – настаивал Андрей, чувствуя, как внутри у него что-то сжимается, становится холодным и тяжелым, как кусок свинца. Он понимал, что эта старушка – не просто архивариус, исполнительница обязанностей. Она была хранительницей. Последним стражем на пороге прошлого, тем, кто решал, что из памяти места достой-

но лежать на полках, а что – навсегда кануть в небытие. И по ее реакции он был теперь уверен – она что-то знает. Знает и не хочет говорить. – Хотя бы общие схемы ствола, квершлагов? Акты о закрытии, предписания? Мне важно понять структуру месторождения в целом.

Она медленно, очень медленно повернулась к нему. Ее яркие глаза за толстыми линзами очков были теперь совершенно непроницаемы, как два замерзших озерца.

– Зачем вам именно по первой, молодой человек? – спросила она, и в ее тоне явственно прозвучал вызов. – Она же давным-давно. Там и работать-то негде – все обрушено, затоплено, газ стоит. Опасно. Да и противозаконно – туда соваться. Завалит – и не найдут. Там уже никого не ищут.

– Научный интерес, – соврал Андрей, чувствуя, как это звучит фальшиво, натянуто, как плохо заученная роль. – Мне важно понимать геологию всего месторождения в комплексе. Начальная точка, так сказать. Чтобы точнее прогнозировать расположение пластов на второй. Это стандартная практика.

Мария Николаевна молча смотрела на него еще секунд десять, пятнадцать. В тишине архива это время растянулось в вечность. Андрей слышал, как бьется его собственное сердце, как тихо потрескивает где-то старая электропроводка. Потом она вздохнула – тяжело, из самой глубины легких, словно этот вздох копился не минуты, а десятилетия, и теперь ему наконец позволили вырваться наружу.

– Фамилия ваша... Гордеев, – произнесла она не как вопрос, а как констатацию. – А имя-отчество?

– Андрей Викторович.

– Отец?

Андрей на миг смутился от такой прямолинейности. – Виктор Петрович.

– А дед? – вопрос прозвучал тихо, почти шепотом, но с такой неожиданной, обезоруживающей прямоотой, что Андрей вздрогнул, будто его легонько ткнули в бок острым прутиком.

Он встретился с ее взглядом. В нем теперь не было ни враждебности, ни простого любопытства. Было что-то иное, более сложное – мгновенное узнавание, глубокая печаль, осторожность старого зверя, учувшего знакомый, но давно забытый запах.

– Дед... – голос Андрея предательски дрогнул. Он сглотнул. – Петр. Петр Гордеев.

Имя, произнесенное вслух в этих стенах, прозвучало громче любого крика. Оно повисло в спертom воздухе, смешавшись с запахом пыли и нафталина, стало материальным, осязаемым. Как пароль, открывающий потайную дверь. Как имя, высеченное на надгробной плите, которую только что нашли в зарослях бурьяна.

Мария Николаевна закрыла глаза. Ее морщинистые, почти прозрачные веки дрогнули. Она простояла так несколько секунд, опираясь узкой ладонью о край шкафа, и Андрею по-

казалось, что она вот-вот упадет, не выдержав тяжести внезапно нахлынувшего воспоминания. Потом она открыла глаза, и в них стояли слезы, но они не текли, а лишь блестели, делая взгляд еще более пронзительным.

– Петр Гордеев... Так он и был твой родственник. Дед. Я думала... просто фамилия совпала. Такое бывает. Но глаза... – она прищурилась, вглядываясь. – Такие же светлые, серые, серьезные. Прямой взгляд. Как у него. Только у него... в последний раз, когда я его видела, в этих глазах был не свет, а пустота. Как в выгоревшей шахтной лампе.

Андрей почувствовал, как у него перехватило дыхание. Комната, наполненная молчанием ушедших эпох, вдруг сузилась до размеров этого стола, до узкого пространства между ним и этой хрупкой, но несгибаемой старухой. Все остальное – шкафы, папки, пыльные рулоны – растворилось, стало фоном.

– Вы... вы знали его? – спросил он, и его собственный голос показался ему чужим, доносящимся из-за толстого стекла.

– Знала, – просто сказала Мария Николаевна. Она опустилась обратно в кресло, и теперь казалось, что оно обнимает ее, поддерживает. – Не близко. Он был старше меня лет на... на пятнадцать, наверное. А я тогда совсем девчонкой была, только школу окончила, в эту самую контору писарем устроилась, помогала бумаги разносить, вести журналы уче-

та. Помню его. Высокий, кряжистый, сильный, как молодой дуб. Молчаливый. Не бузил, как другие парни после смены, не пил в клубе. Серьезный. С женой молодой, красавицей, с сынишкой твоим отцом, тогда малышом, по улице вечерами гуляли. Улыбался редко, но если улыбнется – весь преобразался, лицо молодело, глаза светлели. Таким я его и запомнила... до того дня.

Она помолчала, переводя дух, будто медленно поднимаясь из глубокого, темного колодца памяти, куда редко спускалась.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.